

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

Таньшина Н.П.

**Информационные войны и проблема «русской
угрозы» как феномен европейской политики XIX в**

Москва 2019

Аннотация. В работе на примере взаимоотношений между Россией и Францией в постнаполеоновскую эпоху и на фоне системы международных отношений того времени исследуется комплекс вопросов, связанных с восприятием России и русских в общественном мнении Франции и анализируется комплекс вопросов, связанных с такими явлениями, как «информационные» (или «журнальные», как их называли в XIX в.) войны, «русская угроза» и русофобия. Изучение этих вопросов имеет несомненную научную и практическую актуальность.

Abstract. The work examines a set of issues related to the perception of Russia and Russians in France's public opinion and to such phenomena as "Informational Wars" (or "Journalistic Wars", as they were called in the nineteenth century), "the Russian threat" and Russophobia - on the example of the relations between Russia and France in the Post-Napoleonic era and on the background of the international relations system of that time. The study of these issues has undoubted scientific and practical relevance.

Таньшина Н.П., главный научный сотрудник, научно-исследовательской лаборатории комплексных исторических исследований государственного и муниципального управления, Школа актуальных гуманитарных исследований, ИОН, Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Данная работа подготовлена на основе материалов научно-исследовательской работы, выполненной в соответствии с Государственным заданием РАНХиГС при Президенте Российской Федерации на 2018 год

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
1 Русофобия и проблема информационных войн: теоретический аспект	7
1.1 Теоретические подходы к изучению русофобии и информационных войн	7
1.2 Зарождение русофобских настроений во Франции и в Европе	11
1.3 Ш.-А. Поццо ди Борго, Э.О. Ришельё, Л.В. Рошешуар: французско-русский диалог в годы оккупации Франции союзными войсками в 1814-1818 гг.....	14
2 Французы в России и русские во Франции	31
2.1 Французы в России в 1830-1840-е гг.: путешественники, журналисты, исследователи.....	31
2.2 Париж Виктора Балабина.....	42
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	53
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	55

ОПРЕДЕЛЕНИЯ

В работе применяют следующие термины с соответствующими определениями:

«Великие державы»	- пятерка европейских лидеров: Великобритания, Франция, Пруссия, Австрийская империя, Россия, составлявшие «европейский концерт»;
Движение	- французский фланг либералов левого направления, настаивавших на дальнейшей политике реформизма после революции 1830 г.;
Европейский концерт	- политика европейских государств, направленная на поиск мирного разрешения возникающих международных конфликтов;
«Информационные войны»	- антирусская пропагандистская кампания в европейской прессе и публицистике и ответные действия России по созданию позитивного имиджа страны; термину «информационные войны» в лексиконе XIX в. соответствовало определение «журнальные войны»;
Орлеанизм	- французский либерализм в годы Июльской монархии; назван по имени правящей Орлеанской династии
«Русская угроза»	- опасения, вызываемые в Европе активной внешней политикой России, зачастую не имевшие под собой реальных оснований;
Русофобия	- антирусские настроения, существовавшие в европейских политических кругах и в общественном мнении в рассматриваемый период;
Соппротивление	- французский фланг либералов правого направления, выступавших за действия в рамках компромисса 1830 г.;

ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ

АВПРИ	- Архив внешней политики Российской Федерации
ГАРФ	- Государственный архив Российской Федерации

ВВЕДЕНИЕ

Информационные войны имеют глубокие исторические корни и связаны с ростом влияния средств массовой информации как силы, способной воздействовать на формирование общественного мнения, а также на принимаемые политические решения. В XIX столетии, когда пресса приобрела значение настоящей четвертой власти, информационные войны («журнальные войны», как их тогда именовали) вошли в политическую практику, политическую риторику и сферу межгосударственных коммуникаций. Изучение проблематики информационных войн тесно связано с таким важным феноменом политической жизни, как «русская угроза» и русофобия. Изучение взаимоотношений России и Европы сквозь призму взаимных представлений и стереотипов восприятия составляет еще один аспект актуальности.

России, как ни одной из других зарубежных стран, пришлось усиленно потрудиться, чтобы достичь уважения Франции, последней из великих европейских наций принявшую ее в свою семью. Огромная культурная пропасть, существовавшая между двумя странами, привела к тому, что во Франции долгое время доминировало пренебрежительное отношение к России. Можно согласиться с мнением французского исследователя Шарля Корбе, что нации судят друг друга согласно тем же модальностям, что и индивиды: сначала формируется идея того, как они представляют сами себя, потом идея того, как им выгодно позиционировать себя в глазах других. По словам Корбе, французы, распираемые от чувства гордости за свою цивилизацию и раннюю политическую организацию, воспринимали Россию высокомерно и поначалу имели весьма смутные представления о ней, рассматривая «страну царей» как варварскую землю.

Победа Петра I над Швецией в ходе Северной войны, прорыв на Запад при Екатерине II спровоцировали серьезное беспокойство в Европе, и к презрению добавился страх. Соответственно, долгое время восприятие французами русских было далеким от симпатии. Именно презрение и страх являлись важнейшими чувствами, которые французы продолжали испытывать по отношению к России на протяжении всего XIX столетия [9, р. 7].

В то же время, именно Петр Великий попытался найти взаимопонимание с Францией, когда в 1717 г., на исходе Северной войны, он посетил эту страну. Для французов визит Петра стал настоящим потрясением. Во многом благодаря стараниям герцога де Сен-Симона во Франции стал формироваться так называемый «русский мираж» — идеализированные представления о России, скорее, о ее просвещенных государях.

Императрица Екатерина великая продолжила эту линию по созданию позитивного имиджа России, а ее щедрые «пансионы» Вольтеру, Дидро, Даламбера делало их перо еще более искусным [7].

Французская революция конца XVIII века резко изменила ситуацию, на Россию стали смотреть как на врага, оплот деспотии и самодержавия. Можно сказать, что революция рассеяла «русский мираж». И это несмотря на то, что Екатерина воздержалась от вооруженного вмешательства в дела революционной Франции, а потом дала приют тысячам французским эмигрантов, это не помешало формированию негативного образа России [7].

Что касается Наполеона, то страх перед русскими — «новыми варварами», жаждавшими окончательно разорить Францию, поселился в душах французов на последнем этапе наполеоновских войн. Как отмечает современная французская исследовательница М.-П. Рэй, «... достаточно было произнести слово «казак», означающее высшую степень варварства, чтобы вызвать ужас среди населения, в большой степени затронутого наполеоновской пропагандой» [10]. Однако после вступления русских войск в Париж весной 1814 г. настроения парижан изменились: император Александр I потребовал от своих офицеров и солдат безупречного поведения, предусмотрев суровые наказания для нарушителей, вплоть до смертной казни. В результате казаки, расположившиеся лагерем прямо под открытым небом на Елисейских полях, стали объектом всеобщего любопытства, особенно среди женщин и детей. Виктор Гюго, которому в ту пору было двенадцать лет, спустя многие годы напишет, что «страшилища казаки оказались кроткими как агнцы». Прошло пятнадцать лет, и эти опасения, вроде бы забытые, вновь пробудились.

1 Русофобия и проблема информационных войн: теоретический аспект

1.1 Теоретические подходы к изучению русофобии и информационных войн

Русофобию можно рассматривать либо как проявление нелюбви к русским и России по аналогии с англофобией или франкофобией, либо как целостную идеологию, а именно как комплекс идей и концепций, имеющий свою историю формирования, структуру и проявления [1]. При этом характерно, что эти идеи воспроизводятся без особых изменений на протяжении столетий.

Принято считать, что самый старый случай употребления термина «русофобия» встречается в письме Ф.И. Тютчева дочери Анне от 26 сентября 1867 г., причем он говорил о «русофобии некоторых русских людей» [2, с. 251]. Тютчев, как известно, был не только талантливым поэтом, но и дипломатом, служившим в Мюнхене, Генуе и Турине. Он воочию мог наблюдать проявление антирусских настроений как в европейских странах, так и у представителей российской знати и интеллектуальной элиты. Особенно она усилилась в накануне и в ходе «синхронных» революций 1848-1849 гг., а также в ходе Крымской войны. Это нашло отражение во многих стихотворениях Тютчева, его политических статьях и письмах, а также в неоконченном трактате «Россия и Запад». На самом деле, этот термин встречается гораздо раньше: у князя П.А. Вяземского в 1844 г. [3, р. 267] и у министра иностранных дел графа К.В. Нессельроде примерно в эти же годы [5, р. 296].

Русофобию следует воспринимать именно как западную по своей природе идеологию, поскольку в неевропейских культурах, если и есть негативное отношение к России, то оно либо не носит идеологического характера, либо это негативное отношение формируется под непосредственным информационным воздействием Запада.

Как отмечает российский исследователь О. Неменский, в каком-то смысле Россия не могла избежать русофобии. Причины этого явления - объективно-исторические. Дело в том, что если мы под «Востоком» понимаем прежде всего азиатский Восток, или Ближний Восток, или Дальний Восток. Римляне же под Востоком понимали, прежде всего, Грецию. Характерно, что начиная с 1054 г. это расхождение еще больше усилилось. Исходя из этого Восточная Римская империя воспринималась исключительно как зло. А Русь, принявшая именно восточный вариант христианства, соответственно, воспринималась как составная часть греческого, то есть восточного мира. И, соответственно, наша страна унаследовала

это негативное отношение. Можно сказать, что Русь, Московия, Россия была и остается значимым Другим для Запада. Именно через противопоставление себя России Запад и идентифицирует себя как Запад. Соответственно, абсолютно позитивное восприятие Западом самого себя в качестве обратной стороны имеет крайне негативный взгляд на Россию [1].

Русофобия является западной по происхождению идеологией. Она утверждает изначально злую сущность и природу русского народа. В соответствии с ней русский народ наделяется набором уникальных качеств, которые определяют его стремление ко всему низменному. Логика русофобии основана на принципе бинарных оппозиций, в данном случае на противопоставлении русского и западного как плохого и хорошего. Исходя из такого подхода русские как нация воспринимаются как сила, принципиально враждебная Западу. Можно сказать, что Россия выступает в качестве экзистенциального противника Запада, а также всего, что воспринимается в рамках западной традиции именно как нечто, присущее именно Западу. Это касается христианства, идей свободы, либерализма, демократии — список можно продолжать бесконечно.

Можно выделить идеологемы русофобского образа. Они не меняются из столетия в столетие. Прежде всего, русский народ не способен к самостоятельному правлению. Поэтому русские не могут существовать без рабства. Поэтому власть в России всегда деспотична и тиранична. Тирания предполагает наличие неограниченной власти, которую правитель использует исключительно во зло. Поэтому рабство и тирания являются двумя взаимно обусловленными и взаимосвязанными качествами. Именно они и составляют базу восприятия России и русского народа. То есть народ абсолютно бесправен, находится в состоянии вечного унижения и покорности. Власть же проявляет исключительно авторитаризм, жестокость и насилие [1].

Кроме того, такая абсолютная власть по самой своей сути неизменно стремится к качественному и количественному росту. То есть ей имманентно присуща территориальная экспансия. А русский народ, наделенный рабской психологией, является послушным орудием в руках абсолютной власти. Отсюда проистекает глубокая уверенность, что русские только и думают о том, чтобы подчинить Запад. Отсюда и постоянное опасение Европы перед вторжением русских и знаменитый лозунг «Русские идут!».

Если говорить о русском метатексте западной культуры, то он таков. Россия является государством, полностью противоположном западной цивилизации. Русские — это рабская нация, которая беспрекословно подчиняется своим абсолютным государям. Это

страна тотальной жестокости, произвола и насилия; страна, агрессивная к западному миру, который она стремится либо поработить, либо уничтожить.

Как уже отмечалось выше, русофобия построена на принципе бинарных оппозиции, описанных еще К. Леви-Строссом. То, что в рамках западной традиции воспринимается как хорошее и правильное, по отношению к России преломляется в негативном контексте. Русские воспринимаются как абсолютно по всем параметрам противоположный народ, то есть плохой и злой. В результате все сводится к противостоянию добра и зла. Можно сказать, что восприятие России как «империи Зла» является весьма верным показателем западного отношения к нам. Это своеобразная квинтэссенция русофобии. В рамках любой культуры добро всегда борется и противостоит злу. Соответственно для Запада его самоутверждение как гаранта и защитника положительных начал осуществлялось через активное противоборство с Россией [1].

При этом характерно, что созданные на Западе русофобские образы не имеют ничего общего с реальной действительностью. Западный образ нашей страны вовсе не имеет ничего похожего на реальную Россию. Это, как отмечает О. Неменский, «негатив западного самовосприятия». Соглашусь с О. Неменским, что у Запада была и есть своя Россия, совершенно не похожая на нашу страну. Образ России явился не столько результатом реального изучения нашей культуры, сколько стал европейским самообразом в негативе. Тем самым негативный образ России, являя собой сумму всего, воспринимаемого как плохое, выгодно оттенял положительный самообраз Запада. Образ России обусловлен не реальными впечатлениями о нашей стране, а представлениями о ней как о некотором европейском Антимире. Соответственно, настоящие свойства русского народа никак не влияют на его восприятие на Западе [1].

Теперь обратимся к феномену «информационных войн». В современной науке существует целый ряд подходов к анализу информационных войн. В то же время, поскольку эти теории существуют в рамках разных дисциплинарных и методологических полей, единой общепринятое определение «информационной войны» отсутствует. Можно выделить следующие основные подходы к изучению проблематики «информационных войн» в современной отечественной и зарубежной науке.

В рамках психологической парадигмы «информационные войны» анализируются как скрытое воздействие информации на индивидуальное и коллективное сознание. Это достигается за счет использования методов пропаганды, ложной информации, манипулирования. Цель этих действий — выработка нового понимания социально-

политической организации общества. Это достигается с помощью изменения ценностных ориентаций и базовых установок. Главным объектом «информационной войны» в рамках этого подхода выступает когнитивно-эмоциональная сфера. Главная цель - управление интеллектуально-психологическими и социокультурными процессами. При этом неотъемлемым атрибутом этого процесса является неосознанность воздействия лицами, подверженными скрытому влиянию (В.А. Лисичкин, Л.А. Шелепин).

Такие авторы, как Д.А. Волкогонов, Н.И. Живейнов, А.Г. Караяни соединяют информационное и психологическое противоборство в рамках единого поля. По мнению А.Г. Караяни, речь идет об информационно-психологических акциях, осуществляемых на самых разных уровнях как в мирное, так и в военное время. Эти действия проводятся в информационной, духовной сфере, среди собственных военнослужащих либо среди войск противника [11, с. 93].

В рамках социально-коммуникативного подхода предметом исследования выступает уже не сознание людей, а информация. Именно информация имеет главное влияние в новой интерактивной действительности (М. Ю. Павлютенкова и Д. А. Шве́ц). Как полагают исследователи этого направления, информационная война представляет собой коммуникативную технологию, цель которой заключается в установлении информационного превосходства. Такие авторы как М.А. Родионов и В.С. Пирумов анализируют «информационную войну» как борьбу за воздействие на информационные ресурсы противника. Содержанием такой войны является ведение разведывательных и политико-психологических акций по отношению к неприятелю [11, с. 93-94].

В русле интегративной концепции (Г.Г. Почепцов) «информационная война» анализируется с точки зрения public relations и трактуется как несанкционированная работа в чужом информационном поле. Субъектом информационных войн выступают общности людей, будь то нации, государства или компании, а объектом - массовое сознание [11, с. 94].

Согласно положениям геополитического подхода «информационная война» анализируется в контексте межгосударственного противоборства, направленного на решение внешнеполитических задач не при помощи физической или военной силы, а благодаря применению технологий коерсивного контроля, внешне выражающегося в дипломатической форме (И.Н. Панарин, И.А. Михальченко, А.Б. Губарев, А.М. Соколова, Д.Б. Фролов). В рамках этого подхода «информационная война» есть продукт постиндустриального общества, обусловленная невозможностью глобальных вооруженных

конфликтов. Она рассматривается как целостная технология, направленная на достижение получения экономического, военного, политического превосходства одних стран над другими [11, с. 94].

Конфликтологический подход анализирует «информационные войны» в контексте военного и политического противостояния. В частности, Р. Шафрански рассматривает «информационные войны» как вооруженные действия против любой части системы знаний и убеждений противника с целью скрытого разрушительного воздействия на принятие политических решений контрагентом. Чем выше технологический уровень и чем больше развита коммуникативная сфера, тем более уязвимым в «информационной войне» является государство [11, с. 94].

В рамках военно-стратегического подхода исследуют феномен «информационной войны» Дж. Аркилл, Д. Ронфельдт и Дж. Дериан. «Информационная война», согласно мнению этих ученых, - это разновидность военного конфликта. Она может носить как самостоятельный характер, так и быть частью обширной программы действий, составляющих сетевые и кибервойны. В рамках этой войны предусмотрено применение электронных технологий и автоматических устройств, которые заменяют человека в боевой ситуации [11, с. 94].

Комплексный подход к анализу «информационных войн» представлен в рамках системного подхода. По мнению отечественного политолога Д.Г. Балуева, «информационную войну» следует рассматривать как комплексное явление, включающее дипломатию, пропаганду, психологические кампании, политическую и культурную подрывную работу, проникновение в информационные сети и базы данных, продвижение оппозиционных или диссидентских движений посредством компьютерных сетей.

Эта точка зрения представлена также в работах С.П. Расторгуева, С.Н. Бухарина, В.В. Цыганова. Базовое понятие, используемое С.П. Расторгуевым - «информационная система». «Информационная война» анализируется как открытое или скрытое воздействие информационных систем друг на друга с целью деформации или уничтожения противоположной стороны. «Информационные войны» нацелены на достижение преимущества не столько в материальной сфере, сколько в политической и духовной [11, с. 95].

1.2 Зарождение русофобских настроений во Франции и в Европе

«Открытие» России в европейской культуре произошло в конце XV – XVI столетий.

Эпоха великих географических открытий породила весьма специфичный колониальный тип понимания контактов с неевропейскими народами. При этом характерно, что собственное варварское прошлое большинства европейских народов предопределило раннее появление стадильно-исторического мышления. В рамках такого типа мышления другие по культуре народы трактовались не иначе, как отсталые, задержавшиеся на более раннем этапе истории, том самом, который западные народы уже прошли. Соответственно, эти народы нуждались в христианской миссии и просвещении, ускоренном процессе обучения. При этом на Западе полагали, что это является подлинным желанием любого неевропейского народа. Если же он этот народ не хотел учиться у Запада и отстаивал свою идентичность, то он становился противником католического мира [1].

Аналогичная ситуация сложилась с восприятием России. Весь XVI в. Запад пытался склонить Московию к принятию унии. Полное поражение этих попыток обусловили формирование образа России как экзистенциально противного и враждебного Европе государства. Статус врага означал и наделение России всеми отрицательными атрибутами [1].

Для утверждения такого яркого негативного образа Западу потребовалось крупное событие, прямое и длительное военное противостояние. Таким событием стала Ливонская война – первая масштабная борьба России и Запада (1558-1583). Именно в эти годы Россия впервые столкнулась с целой коалицией европейских государств. Печатный станок позволял издавать значительными тиражами разнообразные записки о Московии, быте и нравах ее жителей, которые быстро расходились о всей Европе. Можно сказать, что это была мощная пропагандистская акция. Она направлялась прежде всего Польшей и Католической церковью, а Россия тогда ничего не могла ей противопоставить. При этом Польша, территориально самая близкая к России католическая страна, была традиционно и главным источником информации о нашей стране для европейцев. Поэтому как идеология русофобия формируется в XVI столетии. И во многом это было связано с польскими военным проникновением на Восток, то есть на русские земли [1]. Характерно, что поляки до сих пор воспринимаются на западе как основные эксперты по нашей стране. И именно поляки тиражировали в Европе свой взгляд на Россию. Наиболее ярко это проявилось в XIX и XX веках. Это было связано с целым рядом больших волн польской эмиграции в ходе разделов Речи Посполитой, затем Наполеоновских войн, польских восстаний 1830-1831 и 1863-1864 гг, а потом и в результате двух мировых войн и формирования Польской Народной Республики [1].

По словам известного современного исследователя Эдварда Саида, поздний Ренессанс обозначил и европейский «ориенталистский дискурс», а именно «стиль мышления, основанный на онтологическом и эпистемологическом разграничении «Востока» и «Запада». К XVII в. поляки резко отделили Россию от Западной Европы, защищая в своих исторических произведениях идею ее азиатскости [1].

Все это привело к тому, что «Московия» в сознании Запада стала восприниматься как анти-Европа, как государство, наделенное всеми известными пороки человеческого рода. Именно тогда появляется и ставший впоследствии классическим набор штампов и эпитетов: дикость, деспотизм, отсталость, грубость, жестокость и т. д. Именно в это время формируется черный миф об Иване Грозном, который воспринимался как кровожадный жестокий тиран. Именно Иван Грозный становится для европейцев образцом русского правителя как такового. Он соединял в себе абсолютную власть и покорное рабство населения. Именно этот образ России и русских формировался в культурном сознании Европы и в своих основных характеристиках жив и до настоящего времени [1].

Теперь обратимся к восприятию России во Франции. России, как ни одной из других зарубежных стран, пришлось усиленно потрудиться, чтобы достичь уважения Франции, последней из великих европейских наций принявшую ее в свою семью. Огромная культурная пропасть, существовавшая между двумя странами, привела к тому, что во Франции долгое время доминировало пренебрежительное отношение к России. Можно согласиться с мнением французского исследователя Шарля Корбе, что нации судят друг друга согласно тем же модальностям, что и индивиды: сначала формируется идея того, как они представляют сами себя, потом идея того, как им выгодно позиционировать себя в глазах других. По словам Корбе, французы, распираемые от чувства гордости за свою цивилизацию и раннюю политическую организацию, воспринимали Россию высокомерно и поначалу имели весьма смутные представления о ней, рассматривая «страну царей» как варварскую землю.

Победа Петра I над Швецией в ходе Северной войны, прорыв на Запад при Екатерине II спровоцировали серьезное беспокойство в Европе, и к презрению добавился страх. Соответственно, долгое время восприятие французами русских было далеким от симпатии. Именно презрение и страх являлись важнейшими чувствами, которые французы продолжали испытывать по отношению к России на протяжении всего XIX столетия [9, р. 7].

В то же время, именно Петр Великий попытался найти взаимопонимание с

Францией, когда в 1717 г., на исходе Северной войны, он посетил эту страну. Для французов визит Петра стал настоящим потрясением. Во многом благодаря стараниям герцога де Сен-Симона во Франции стал формироваться так называемый «русский мираж» — идеализированные представления о России, скорее, о ее просвещенных государях. Императрица Екатерина великая продолжила эту линию по созданию позитивного имиджа России, а ее щедрые «пансионы» Вольтеру, Дидро, Даламбера делало их перо еще более искусным [7].

Французская революция конца XVIII века резко изменила ситуацию, на Россию стали смотреть как на врага, оплот деспотии и самодержавия. Можно сказать, что революция рассеяла «русский мираж». И это несмотря на то, что Екатерина воздержалась от вооруженного вмешательства в дела революционной Франции, а потом дала приют тысячам французским эмигрантов, это не помешало формированию негативного образа России [7].

Что касается Наполеона, то страх перед русскими — «новыми варварами», жаждавшими окончательно разорить Францию, поселился в душах французов на последнем этапе наполеоновских войн. Как отмечает современная французская исследовательница М.-П. Рэй, «... достаточно было произнести слово «казак», означающее высшую степень варварства, чтобы вызвать ужас среди населения, в большой степени затронутого наполеоновской пропагандой» [10]. Однако после вступления русских войск в Париж весной 1814 г. настроения парижан изменились: император Александр I потребовал от своих офицеров и солдат безупречного поведения, предусмотрев суровые наказания для нарушителей, вплоть до смертной казни. В результате казаки, расположившиеся лагерем прямо под открытым небом на Елисейских полях, стали объектом всеобщего любопытства, особенно среди женщин и детей. Виктор Гюго, которому в ту пору было двенадцать лет, спустя многие годы напишет, что «страшилища казаки оказались кроткими как агнцы». Прошло пятнадцать лет, и эти опасения, вроде бы забытые, вновь пробудились.

1.3 Ш.-А. Поццо ди Борго, Э.О. Ришельё, Л.В. Рошешуар: французско-русский диалог в годы оккупации Франции союзными войсками в 1814-1818 гг.

Россия не только внесла решающий вклад в разгром империи Наполеона I, но и способствовала скорейшему возрождению Франции, выступив против ее превращения во второстепенную державу и за сохранение ее сильных позиций в Европе. Император Александр I отчетливо понимал, что для стабильности Европы и европейского равновесия

нужна сильная и спокойная Франция. Можно утверждать, что именно России Франция в значительной степени обязана восстановлением ее позиций и скорейшим освобождением ее территории от иностранных войск.

Во Франции ради достижения этих целей действовало целое трио, не считая императора Александра I: граф Ш.-А. Поццо ди Борго, герцог Э.О. Ришельё и генерал Л. В. Рошешуар. Шарль-Андре (или на русский манер Карл Осипович) Поццо ди Борго — корсиканец, кровный враг Наполеона Бонапарта, с 1804 г. находившийся на русской службе, а с 1814 по 1834 гг. возглавлявший посольство России во Франции. Арман Эмманюэль дю Плесси, 5-й герцог де Ришельё (по-русски — Эммануил Осипович) — внучатый племянник великого кардинала, эмигрировавший из революционной Франции в Россию, где двенадцать лет занимал пост губернатора Одессы и Новороссийского края, в сентябре 1815 г. возглавивший французское правительство. И еще один француз, племянник Ришельё и его приемный сын, тоже эмигрант, генерал Луи Виктор Леон де Рошешуар, служивший Александру I, а в 1815 г. ставший военным комендантом Парижа. Их судьбы были теснейшим образом переплетены как с историей России, так и историей Франции. Ришельё и Рошешуар, вынужденные покинуть родину в годы Революции и оказавшиеся на российской службе, вернувшись во Францию после крушения империи Наполеона, всячески содействовали возрождению своей страны и прилагали все силы для скорейшего прекращения ее оккупации. Поццо ди Борго был убежденным противником Наполеона и сторонником русско-французского сближения. Несмотря на то, что князь Ш.-М. Талейран утверждал, будто бы главным мотивом его действий была «корсиканская ненависть» [33], эта ненависть была не разрушительной, а созидательной: Поццо ди Борго многое сделал для того, чтобы Франция была сохранена как великая держава, чтобы на престоле оказались Бурбоны, а условия мирного договора и оккупации были менее болезненными.

В основу написания этого раздела легли следующие документы. Позиция графа Поццо ди Борго отражена в его донесениях из Парижа графу К.В. Нессельроде, императору Александру I и И. Каподистрии. Эти документы, находящиеся в Архиве внешней политики Российской империи, в свое время были опубликованы [15]. Кроме того, опубликована и переписка Поццо ди Борго с Нессельроде за 1815-1818 гг. [30].

Что касается герцога Ришельё, то его письма представлены в работе, посвященной его деятельности и опубликованной во Франции в конце XIX в. [29]. Здесь содержится важная информация о политике Ришельё по скорейшей выплате контрибуции в целях

прекращения оккупации Франции иностранными войсками, а также о его деятельности накануне и в ходе работы Ахенского конгресса Священного союза. Также в конце XIX столетия была опубликована переписка Ришельё с маркизом Р.-Ё. д' Осмоном, послом Франции в Лондоне в первые годы Реставрации [31].

Генерал Рошешуар оставил свои воспоминания, опубликованные уже после его смерти в 1892 г. [34]. В них он описывает свои действия в должности военного коменданта Парижа в период второй Реставрации, характеризует политику министерства Ришельё и деятельность оккупационных властей.

Оккупация началась в январе 1814 г. Австрийцы были встречены во Франш-Конте как освободители. Русские войска без труда проникли в Лотарингию [22, 27]. Повсюду союзники декларировали, что они обязуются уважать собственность и строго поддерживать дисциплину. Однако эти заявления по большей части оказались декларативными: резкое изменение ситуации на полях сражений и успехи Наполеона, который после поражения при Ля Ротьере 1 февраля 1814 г. «обул итальянские сапоги», т. е. вспомнил свои успехи в ходе Итальянского похода, и одержал с 10 по 18 февраля четыре победы, осложнили ситуацию. Силы войск союзников были истощены, и они сами начали нарушать ими же установленные правила оккупации.

Еще более ситуация усугубилась после «Ста дней», дорого обошедшихся Франции. После Ватерлоо, начиная с июля 1815 г., 1 млн 226 тыс. союзных войск заняли более 60 департаментов. В июле 1815 г. оккупация была еще более жесткой, чем в апреле-мае 1814, особенно в провинциях, контролируемых пруссаками, баварцами и вюртембергцами. Русские, англичане и австрийцы были более дисциплинированными. «Нынешняя сложность заключается в том, — писал Роберт Каслри главе кабинета лорду Ливерпулю 8 июля, — чтобы принудить к умеренности пруссаков и Блюхера. Последний, когда жаловались на его подчиненных, вспоминал о жестокостях Дарю в Пруссии в 1806 г. и отвечал с презрительной иронией: «Как? Разве они делают только это? Хорошего они совершают больше» [39, р. 147]. Но не только чувство мести воодушевляло прусскую армию. Французы, по мнению пруссаков, не учли уроков 1814 г., они совершили рецидив, поэтому военная оккупация Франции и сопровождавшие ее жестокости казались им справедливыми и легитимными. Пруссакам вторили и англичане: «Мы захватили Францию, — утверждал видный английский политик Дж. Каннинг. Франция — это наше завоевание, и мы хотим довести ее до такого состояния, чтобы она не могла даже пошевелиться в

течение десяти лет» [39, р. 147].

Генерал Рошешуар писал в своих воспоминаниях: «Российский император и даже австрийское правительство были настроены благожелательно по отношению к Людовику XVIII; напротив, прусские генералы и герцог Веллингтон, распираемые от гордости за победу при Ватерлоо, использовали любой случай, чтобы унижить нас. Пруссия, раздавленная при Йене, стремилась причинить там всяческие неприятности... Получив возможность отомстить, прусские генералы принялись действовать жестко и без всякого великодушия. Англичане, всегда завидовавшие Франции, будучи не в силах нас завоевать, всячески стремились нас ослабить» [34, р. 398-399].

После Ватерлоо на протяжении нескольких недель иностранцы просто-напросто грабили страну, замещали французских префектов своими военными губернаторами, захватывали городскую казну и самовольно производили реквизиции как у частных лиц, так и у целых городов. Убийства и насилия, особенно в деревнях, были обычным явлением. «Я думал, что имел честь командовать прусским корпусом, — сказал однажды прусский генерал Йорк, — а на деле я управлял только бандой разбойников» [39, р. 25].

Россия с самого начала заняла благожелательную позицию по отношению к побежденной Франции. Император Александр I в специальной инструкции «О целях и задачах русского оккупационного корпуса во Франции», относящейся к сентябрю 1815 г., особо настаивал на необходимости сохранения среди местного населения доброго мнения о русских солдатах [40]. Император советовал командующему русским оккупационным корпусом генералу М.С. Воронцову предпринять необходимые меры для укрепления дружеских отношений с местными жителями, чтобы военная оккупация была менее болезненной [35, с. 139]. Правда, Клеменс фон Меттерних так отзывался о действиях русских: «Это мерзкая вещь, война... особенно когда ее ведут с 50 тысячами казаков и башкиров» [139, р. 25]. Действительно, отдельные факты притеснения местного населения русской армией были совершены в основном нерегулярными войсками — казаками, калмыками и пр.

Союзники, прекрасно понимая, что, владея Парижем, они будут держать в руках всю Францию, настояли на военной оккупации столицы. 7 июля исполнительная комиссия и Палаты были распущены, а на следующий день Людовик XVIII, эскортируемый иностранными войсками, совершил въезд в Тюильри. На Елисейских полях лагерем стояли казаки, в Булонском лесу расположились англичане, а пруссаки проводили военные учения прямо под окнами короля, на площади Карузель. 12 округов Парижа управлялись

генералами союзных армий, подчинявшимися прусскому фельдмаршалу барону Карлу фон Мюффлингу (1775-1851).

С 12 июля 1815 г. в Париже происходили совещания представителей четырех держав по выработке основных положений ультиматума, с которым предполагалось обратиться к побежденным. Переговоры были гораздо более сложными, чем в 1814 г. Британские и в первую очередь прусские эмиссары, самым жестким из которых был Г.Л. Блюхер, стремились навязать Франции беспощадные условия. Пруссия горела желанием отомстить за былые унижения и заставить Францию вернуть даже завоевания Людовика XIV. Бавария, Вюртемберг и Голландия поддерживали эти требования.

Территориальную целостность (в рамках договора от 30 мая 1814 г.) отстаивал только император Александр, полагая, что это было необходимо для поддержания европейского равновесия. Трем остальным державам Александр советовал проявить благожелательность по отношению к Франции.

В меморандуме, подготовленном главой российского внешнеполитического ведомства И. Каподистией и помеченном 28 июля, подчеркивалось, что война велась не против французской нации, а исключительно против узурпатора. За основу будущих соглашений предполагалось взять трактат от 30 мая, а главной целью коалиции провозглашалось восстановление на троне Людовика XVIII. В заключении Каподистрия советовал коалиции ограничиться следующими мерами: восстановлением Шомонского трактата на определенный срок, с оговоркой, что Наполеон и члены его семейства будут навсегда лишены права занимать французский престол; занятием войсками ряда французских крепостей до тех пор, пока французское правительство не обретет в глазах Европы стабильности [36, р. 89]. Однако подобные предложения не находили поддержки у остальных «великих держав».

В то время как французские войска покидали свои лагеря, союзники со всех сторон наводняли Францию. К середине августа во Франции насчитывалось 1 млн 135 тыс. человек иностранных войск, а в конце этого месяца прибыли еще новые полки.

В Париже, как и в департаментах, французское правительство было ограничено в своих действиях. В дни, последующие за вступлением короля в столицу, Мюффлинг навязал городу военную контрибуцию в 100 млн франков. Благодаря вмешательству Александра I 10 июля ее удалось сократить на 10 млн. Кульминацией действий немецкого командования стало решение взорвать Йенский мост, название которого вызывало слишком мучительные воспоминания у пруссаков.

Потребовалось непосредственное вмешательство императора Александра, чтобы отстоять этот мост. Вот как описывал это событие генерал Рошешуар: «Несмотря на протесты иностранных генералов и энергичное противодействие короля и его министров, уже был назначен день [взрыва]. Можно было опасаться волнений, и даже, может быть, вооруженной манифестации парижан. Военный министр приказал мне явиться к королю Пруссии. Я тотчас же прибыл к нему в отель на улице Бурбон; зная всех его адъютантов, я немедленно получил аудиенцию. В нескольких словах я объяснил королю причину, вынудившую меня явиться к нему». Рошешуар объяснял неправильность решения взорвать мост, поскольку это действие «не могло отменить результатов сражения при Йене» [34, р. 407]. Король ответил: «Генерал, я уже проинформирован о намерениях фельдмаршала князя Блюхера, я ему передал, что не разделяю его точку зрения и прошу отказаться от своего замысла. Однако, к моему сожалению, я понял, что <...> он настаивает на своем решении, ссылаясь на необходимость защиты чести прусской армии...» [34, р. 407].

Тогда Рошешуар, понимая, что король не мог гарантировать сохранности моста, отправился к герцогу Ришельё. Тот, в свою очередь, поспешил к Александру I. Император, по словам Рошешуара, «возмущенный этим актом вандализма, чреватым серьезными осложнениями, тотчас же направился к королю Пруссии». Герцог Ришельё так изложил Рошешуару содержание разговора между монархами: «Император Александр заявил, что если фельдмаршал Блюхер не подчинится приказу... [не разрушать мост], то он явится собственной персоной на этот мост, и если у Блюхера хватит дерзости, пусть он его взрывает вместе с императором». В результате Блюхер был вынужден отступить. Йенский мост был спасен и тут же переименован, как и Аустерлицкий мост, получивший название Jardin des Plantes [34, р. 408].

Тем не менее, 9 июля королевским ордонансом площадям, мостам и общественным зданиям столицы были возвращены названия, которые они носили на 1 января 1790 г. Это в некоторой степени успокоило Блюхера.

Предстояло определить условия мирного договора с Францией. Коллективный ультиматум, выработанный коалицией четырех держав на совещании 16 сентября и сообщенный 20 сентября правительству Людовика XVIII, был весьма тягостен для Франции. Трактат 30 мая в основных чертах оставался в силе, но Франция должна была уступить ряд территорий, срыть крепость Гюнинген, уплатить 600 млн франков в качестве возмещения военных расходов и 200 млн на постройку крепостей вдоль своей границы; она

должна была удовлетворить иностранных кредиторов, вознаградить которых обязалась еще по Парижскому договору. Франция была обязана содержать на свои средства в ряде крепостей войска коалиции в течение 7 лет в размере до 150 тыс. человек [36, с. 92-93].

Людовик XVIII и Талейран пытались противодействовать этому проекту, отвергая мысль о новых территориальных уступках. Однако 22 сентября Талейрану ответили, что его притязания совершенно неприемлемы [36, с. 94].

Император Александр, сам не желавший таких разрушительных для Франции условий договора, пытался выторговать у короля уступку, а именно, назначить главой министерства вместо Талейрана герцога Ришельё. Он ясно намекал королю, что если бы Ришельё стал главой министерства, то он употребил бы все свое влияние на то, чтобы смягчить для Франции условия ультиматума. Как писал Рошешуар, «император требовал, чтобы герцог стал министром короля с постом премьера: при этом единственном условии, добавил Александр, он вновь станет другом короля и его страны и будет использовать все средства, чтобы спасти и короля, и Францию, облегчить бремя требований союзников и возвратить Франции то положение, которое она должна занимать в Европе [34, р. 413]. Александр I прекрасно понимал, что именно такой умеренный деятель, как Ришельё, сможет проводить политику, лишенную крайностей, тем самым стабилизируя ситуацию в стране. 21 сентября вечером Талейран в очень сухой форме получил отставку.

И тут пригодилось дипломатическое искусство Поццо ди Борго, занимавшего весьма важную позицию при французском короле, являвшегося, по сути, посредником между Александром и Людовиком XVIII, и практически вмешивавшегося в вопросы внутреннего управления. «Разве нами все еще управляет корсиканец?», — съязвил один из приближенных князя Талейрана. Поццо ди Борго формировал позитивный имидж Франции и в своих донесениях Александру постоянно подчеркивал, что для нормализации обстановки в Европе необходимо как можно скорее освободить Францию от унизительной оккупации.

Поццо ди Борго выступил против «разрушительного проекта», указав на его невозможность для монархии. Он писал Нессельроде 8 (20) сентября 1815 г.: «Европа будет вершить свою политику в отношении этой великой и несчастной страны (и дай Бог, чтобы она не оказалась гибельной). Даже если предположить, что е. в-ву императору удастся склонить Англию, Австрию и Пруссию к отказу от политики расчленения, не следует, однако, льстить себя надеждой, что упомянутые три державы, изменив путь, изменят и свои замыслы» [15, с. 499].

Вероятно, чтобы помочь королю сохранить лицо, он предложил меру, которая и была приведена в исполнение: 23 сентября Людовик XVIII обратился к Александру I с официальным письмом, в котором заявлял о своей решимости отречься от короны, если это должно быть достигнуто ценой позора и унижения Франции. Текст заявления был написан Поццо ди Борго. Это заявление было сообщено союзным кабинетам и поддержано царем. В письме Людовика XVIII говорилось: «Если Франция уже не может надеяться на отмену решения, имеющее своей целью ее разрушение, если Ваше Величество останется безучастным и не готовым использовать свое влияние на августейших монархов, что позволяют ему его достоинства, дружба и общая слава, то я без колебаний готов Вам сообщить, что я отказываюсь быть инструментом гибели моего народа, и я скорее отрекусь от престола, чем соглашусь запятнать его античный блеск этим беспримерным соглашением!» [44, р. 188].

Для Ришельё предложение возглавить французское правительство не было неожиданным: разговоры об этом велись еще с декабря 1814 г. [43, р. 211]. Он сопровождал Александра I в Европе, принимал участие в Венском конгрессе, однако накануне своего отъезда в Париж еще не принял окончательного решения, намереваясь прозондировать почву во Франции.

Дело в том, что Франция 1814 г. была ему столь же чужда, как Крым в 1803 г. По причине своего долгого отсутствия во Франции он создавал образ страны, не имевший ничего общего с реальностью. В его глазах ситуация была близка к 1791 г. Он писал в Одессу своему сподвижнику, основателю лицея в Одессе аббату Николу: «Национальный характер полностью извращен. У народа появились грубые, непристойные манеры, каких никогда не было. Он стал совсем не религиозным. Высшие классы заняты только тем, что толкаются, обогащаются, обустройстваются: для них все средства хороши... Бюрократия в десять раз хуже, чем в России» [43, р. 213]. Когда его спрашивали, не намеревается ли он стать членом королевского совета, он лаконично отвечал: «Друг мой, неужели вы хотите, чтобы я ввязался в эту драку?» [43, р. 214].

В парижских салонах его воспринимали как «полурусского». Его манеры были вовсе не парижскими. Самым удивительным было то, что никто в Париже не расспрашивал его о пребывании в России. Для большинства французов берега Черного моря напоминали ни много ни мало Тартарию, и никто точно не знал, где находится Херсон [43, р. 214].

По словам Рошешуара, Ришельё колебался, узнав об уготованной ему миссии, однако изменил позицию после разговора с российским императором. Александр сказал

герцогу: «Интриганы своими недостойными действиями, губительными для истинных интересов Франции, пытались поссорить меня с королем. Я к ним не испытываю никакого доверия; вы — единственный, кому я доверяю, чтобы забыть этот акт неблагодарности. Я освобождаю вас от всех ваших обязательств по отношению ко мне при условии, что вы будете служить королю так же, как служили мне. Будьте узами подлинного союза между нашими странами, я требую этого во имя славы Франции» [34, р. 413]. Как отмечал Рошешуар, после таких слов герцог не мог отказаться от премьерства. На следующий день, 26 сентября, «Le Moniteur universel» сообщил о формировании нового кабинета во главе с герцогом Ришельё, занявшего одновременно и пост министра иностранных дел.

Ришельё, однако, считал себя неспособным руководить правительством в ставшей чужой для него стране, где он ничего и никого не знал. Он был уверен, что не продержится и шести недель, о чем писал князю Талейрану. Ришельё писал Ш.-М. Талейрану 20 июля: «Я отсутствовал во Франции 24 года... Я никого и ничего здесь не знаю; мне совершенно непонятна манера ведения дел: все, что касается администрации, мне неизвестно... Я в меньшей степени, чем кто-либо, способен занимать место в министерстве... Если бы я занял этот пост, уверен, что не продержался бы на нем и полтора месяца» [33, р. 734]. Однако именно непричастность герцога к событиям недавней французской истории делала его идеальной кандидатурой на пост премьера в глазах общества, уставшего от предателей и лицемеров.

Укрепление позиций Франции в Европе и освобождение территории — вот его главные задачи. «Это цель всех его усилий и предел его требований, предъявляемых к министерству» — писала сестра герцога мадам де Монткальм [43, р. 323].

Император Александр честно сдержал свое слово: по его категорическому требованию в текст ультиматума союзников были внесены значительные и выгодные для Франции поправки, а французские территориальные потери сведены к минимуму. Размер контрибуции был сокращен с 800 до 700 млн франков, а срок военной оккупации — до семи лет. В письме от 17 октября Ришельё благодарил царя за эту помощь [16, с. 216].

29 сентября Ришельё добился новых уступок: сохранил за Францией города Конде во Фландрии и Живе в Арденнах, предотвратил австрийскую оккупацию Страсбурга, сохранил несколько французских гарнизонов в оккупированной зоне, сократил срок оккупации до трех лет, однако взамен союзники потребовали повысить контрибуцию до 800 млн франков [16, с. 216].

8 (20) ноября 1815 г. союзники заключили с Францией новый договор, по которому

Франция возвращалась к границам 1790 г. Именно Александр I, к тому времени без всякого сожаления покинувший Париж, настоял на том, чтобы Франция сохранила Эльзас, Лотарингию, Франш-Конте и Бургундию, на которые имела виды Пруссия. Контрибуция была все-таки уменьшена с 800 до 700 млн франков [36, с. 96]. В качестве гарантии выплаты денег союзники потребовали уплаты двух взносов по 3,5 млн франков ренты каждый [36, с. 101-102]. В результате Франция должна была уплачивать ежегодный налог в размере 150 млн или, в лучшем случае, 130 млн франков [34, р. 455]. В глазах союзников, казна которых была пуста, военная оккупация являлась гарантией исполнения Францией ее финансовых обязательств, а заодно воспринималось в качестве превентивной меры против ее возможных реваншистских намерений.

Как отмечалось выше, решение об оккупационных частях, назначении главнокомандующим герцога А. Веллингтона и командующим русским корпусом генерала М.С. Воронцова было принято задолго до подписания договора в Париже [35, с. 142]. Было решено, что каждая из четырех великих держав доставит по 30 тыс. человек, а остальные участники коалиции предоставят 30 тыс. вместе. Итого — 150 тыс. размещались в 18-ти крепостях. Послы четырех великих держав должны были составить в Париже нечто вроде наблюдательного комитета и извещать герцога Веллингтона о настроениях умов и положении дел во Франции. Россия оставила во Франции 2 пехотные дивизии, 1 кавалерийскую дивизию и 2 полка казаков [35, с. 138].

Вмешательство Александра I, объяснявшееся его желанием сохранить Францию как противовес влиянию Великобритании, Пруссии и Австрии, по достоинству оценили сами французы. Граф Луи де Моле писал об этом в своих «Мемуарах»: «В 1815 г. Россия защищала от всех не интересы, а само существование нашей злосчастной родины. Если Франция по-прежнему остается Францией, она обязана этим трем людям, чьи имена нельзя никогда забывать: Александру и двум его министрам, Каподистрии и Поццо ди Борго. Англия, Пруссия и Австрия стремились лишь к тому, чтобы ослабить нас. Россия, напротив, была заинтересована в том, чтобы мы остались великой державой» [10, с. 317-318].

Однако в целом условия второго Парижского договора были весьма тягостны для Франции. Подписывая его, Ришельё сказал одному из своих друзей: «Я только что подписал трактат, за который собственно говоря я должен был бы нести голову на эшафот» [36, с. 103]. В тот же день Великобритания, Австрия, Пруссия и Россия торжественно возобновили пакт, заключенный в Шомоне: Франция вновь стала изгоем на международной

арене.

Враждебность к Франции остальных держав, по мнению Ришельё, была общим знаменателем их внешней политики. В результате он был вынужден строить свою внешнюю политику на двух принципах: сдержанности и осторожности. Герцог стремился переломить ситуацию в пользу Франции, формируя ее позитивный имидж за границей. На дипломатические должности он назначил людей, которых хорошо знал и которые были бы за границей рупором его идей. В Петербург был отправлен граф де Ноайль; в феврале 1816 г. в Лондон выехал маркиз д'Осмон; в мае в Берлин — маркиз де Бонне; в июле в Вену — граф де Караман. Все это были представители старой элиты, принадлежавшие, как и сам Ришельё, к старинному придворному дворянству. Когда маркиз д'Осмон начал свою речь в Карлтон-Хаузе, принц-регент Георг, будущий король Георг IV, его дружески прервал словами: «Г-н Осмон, вот уже 26 лет как я имею удовольствие встречать Вас без всякой манерности в этой Палате. Неужели Вы это забыли?» [43, р. 325]. Все это были бывшие эмигранты, и, как и сам Ришельё, умеренные монархисты.

Главная цель Ришельё — освободить Францию за три года, как это позволяли договоры 1815 г. Для него освобождение страны являлось важным шагом на пути восстановления национальной независимости. Достижение независимости было немыслимо, по мнению Ришельё, без национального примирения. Руководствуясь здравым смыслом, он не принимал крайностей ультрароялизма и ратовал за умеренный политический курс. Он нашел деятельного помощника в лице Поццо ди Борго. Посланник полагал, что Россию могла заинтересовать лишь сильная Франция. Правда, по его мнению, этого сложно было достичь при короле Людовике XVIII, в отношении которого он не питал иллюзий: «Если подумать, что мог бы сделать великий монарх на месте того, кого мы сейчас имеем, то нельзя не сожалеть о таком фениксе» [20, с. 86-87]. Поццо ди Борго сообщал в одном из писем: «Если машина идет не особенно хорошо, то я должен сказать, что она совсем не шла бы без меня» [24, с. 832-833].

Реакционная политика «Бесподобной палаты» вызывала беспокойство у иностранных дворов, опасавшихся, что ультрароялисты ввергнут страну в новую череду потрясений и смут. Кроме того, это оправдывало присутствие иностранных войск во Франции. После нескольких предупреждений, прямо или косвенно исходивших от Поццо ди Борго, Людовик XVIII понял опасность, которой грозила ему политика «Бесподобной палаты», и 5 сентября 1816 г. распустил ее.

Ришельё очень болезненно воспринимал состояние постреволюционной Франции.

Весна 1816 г. выдалась дождливой, а весна следующего года — засушливой, что вызвало неурожаи и резкий рост цен на хлеб и муку. В июне 1817 г. во Франции начались крестьянские бунты: грабили хлебные склады, рынки. В ноябре 1816 г. в частном письме Ришельё сообщал: «Франция кажется раздавленной как физически, так и морально; даже земля отказывается давать плоды, и солнце не хочет помогать урожаю. Урожай винограда был ничтожным почти по всей Франции, урожай пшеницы — средним, и как следствие этого — огромная дороговизна, даже если нет недостатка в продуктах. Я сомневаюсь, что сейчас есть на нашей земле народ столь же несчастный, как французы <...> Они больше не способны ни к чему, кроме ненависти. Эта страсть еще необыкновенно сильна... и возбуждение здесь такое же сильное, как в 1792 году <...> Те, кто считает, что с помощью двух или трех декретов одержали победу над 27-ю годами революции, являются просто безумцами...» [34, р. 420].

Относительно оккупации Ришельё с горечью писал: «Не поддается описанию зрелище Франции, раздираемой мародерами. Превосходно лишь поведение России и ее императора; это образец благородства, умеренности и разумной политики. Но другие армии, за исключением англичан, преступно осуществляют свое право репрессалий. Пруссак, австрийцы, баварцы стремятся извлечь все выгоды из своей победы. Франция изнемогает под гнетом Европы, стремящейся ее раздавить...» [34, р. 421].

Для урегулирования экономической ситуации Ришельё очень пригодился опыт управления Одессой: во всех департаментах были созданы благотворительные конторы, поддерживалась свободная торговля зерном. Герцог лично проследил за закупкой большого количества хлеба в Северной Америке и на юге России для снабжения армии и Парижа. В результате 420 тыс. квинталов¹ зерна были отправлены из Одессы в Марсель до 15 мая 1817 г. [43, р. 332].

Помимо Поццо ди Борго, активную помощь герцогу Ришельё оказывал его племянник генерал Рошешуар, назначенный 16 октября военным комендантом Парижа. Он поселился вместе с дядей, и как и в Одессе, взял на себя заведование хозяйством. На посту военного коменданта Парижа он многое делал для защиты французских интересов перед лицом Пруссии. В частности, именно он отстоял арсенал Венсенского замка, обороняемого двумя сотнями унтер-офицеров во главе с одноногим генералом Пьером Доменилем (1776-1832) [16, с. 225]. Домениль был тяжело ранен в битве при Ваграме, ему дважды провели

¹ Квинтал — французская единица измерения веса и массы. 1 квинтал = 48,95 кг.

ампутацию, после его он получил прозвище «Деревянная нога». В 1812 г. Наполеон назначил его комендантом Венсенского замка, и в 1814-1815 гг., пока Париж неоднократно переходил из рук в руки, храбрый генерал не сдал свою крепость никому. Русским он ответил: «Отдайте мне мою ногу, и я отдам вам замок!». Карл фон Мюффлинг прислал к Доменилю парламентариев; один из них пригрозил взорвать крепость в случае отказа капитулировать. «Тогда я начну первым, — заявил комендант. — Мы взлетим на воздух вместе». Находясь под контролем пруссаков и не имея никакой связи с внешним миром, генерал воспользовался помощью некоей дамы из медицинской службы и спрятал в ее подвязке письмо к военному министру генералу Кларку, в котором просил о подмоге, а также об отправлении в замок доверенного лица. Выбор пал на Рошешуара.

В беседе с Рошешуаром, прибывшим в замок, Домениль, передавая разговор с прусским полковником, сказал, что заявил ему о своей готовности умереть с теми, кто ему всего дороже. Когда Рошешуар спросил, что означают эти слова, генерал приказал привести свою жену с ребенком, мальчиком трех-четырёх лет и произнес: «Я мог бы отправить мою молодую жену и нашего единственного ребенка в Париж, но я знаю ее достаточно, чтобы быть уверенным в том, что она разделяет мои чувства и мою любовь к Франции. В момент взрыва она будет в моих руках, держа нашего сына, так, как она его держит сейчас. У нас будет одна могила на троих» [34, р. 427]. Только 15 ноября Домениль согласился передать вверенную ему крепость Бурбонам и вышел оттуда со своим гарнизоном под трехцветным флагом [16, с. 226].

Со своей стороны, император Александр в 1816 г. поручил своим советникам, графу К.В. Нессельроде и графу И. Каподистрии изучить внутривнутриполитическую ситуацию во Франции. Речь шла о том, чтобы выяснить, считают ли союзные державы ситуацию в стране достаточно стабильной, чтобы приступить к обсуждению вопроса о выводе из ее приграничных департаментов оккупационных войск [29, р. 8].

Ришельё счел целесообразным представить императору Александру мемуар, в котором охарактеризовал внутривнутриполитическую ситуацию во Франции как весьма стабильную и не требующую дальнейшего присутствия иностранных войск. Король Людовик XVIII в своих письмах Александру развивал эти же идеи. Довершал формирование благоприятного имиджа Франции Поццо ди Борго, подтверждавший в своих донесениях уверения герцога Ришельё [29, р. 9].

Кроме того, в целях нормализации политической обстановки в стране Ришельё предпринял кадровые перестановки в министерстве. Он принял решение отправить в

отставку военного министра Кларка и морского министра Бушажа [29, р. 11], заменив их маршалом Гувийон Сен-Сиром и Л. Моле [29, р. 12]. Оба имели авторитет в парламенте и репутацию умеренных политиков, что должно было успокоить иностранные державы. Гувийон Сен-Сир провел удачную военную реформу, следствием которой стало быстрое восстановление французской армии. Это тоже был аргумент в пользу прекращения военной оккупации Франции: правительство могло защитить страну собственными вооруженными силами. Новое министерство оказалось в состоянии в течение 1817 и 1818 гг. последовательно и успешно работать над восстановлением Франции.

Одна из важнейших задач, которую предстояло решить Ришельё — это скорейшая выплата контрибуции. Оккупация налагала на бюджет бремя содержания иностранной армии и выплаты ежемесячной контрибуции в размере 15 млн франков. Расходы будущего, 1817-го года, оценивались в миллиард франков, а поступлений ожидалось всего 700 млн. В октябре Ришельё добился трехмесячной отсрочки по выплатам репараций, до тех пор, пока не будет решен вопрос о банковском займе.

Возник вопрос: где взять деньги? Как отмечала в своих воспоминаниях мадам А. де Буань, дочь маркиза д'Осмона, хозяйка влиятельного салона в эпоху Реставрации и Июльской монархии, французские банкиры единодушно отказались разместить займы во французских банках. Жак Лаффит, среди прочих банкиров отказавший в займе, заявил Поццо ди Борго, банкиром которого он являлся, что «Франция не найдет ни единого эю, чтобы разместить займы где-либо в Европе» [28, р. 611]. Однако Ришельё нашел блестящий выход с помощью банкира Г.-Ж. Уврара, «самого обольстительного из всех авантюристов», как его называл Л. Моле. Ришельё без промедления принял план Уврара, сводившийся к тому, чтобы поместить французские займы в крупные европейские банки. В январе 1817 г. в Лондоне и Париже велись долгие переговоры с европейскими банкирами. 11 февраля 1817 г. Ришельё сообщил Палатам, что оккупационные войска сокращаются на 30 тыс. человек, а контрибуция — на 2,5 млн в месяц, но необходимо продолжать выполнение условий Второго Парижского договора. Лондонский банкир Александр Бэринг и Лабушер, свояк Уврара, представляющий амстердамский банк Хоп, в феврале, марте и июле 1817 г. на выгодных условиях разместили в Англии, Голландии и Германии пятипроцентные французские ценные бумаги на 26 млн франков. Эта акция принесла французскому правительству 315 млн франков дохода. Благодарный Ришельё сказал тогда: «В Европе есть шесть великих держав: Англия, Франция, Россия, Австрия, Пруссия и братья Бэринги». Успешная финансовая операция не только способствовала восстановлению доверия к

Франции, но и радикально изменила настрой Европы в отношении урегулирования долгов. Веллингтон, близкий к Бэрингу, стал принципиальным защитником этой системы [43, р. 334].

Это была победа Ришельё, одержанная вопреки мнению страны и несмотря на резкую критику в парламенте со стороны ультра во время обсуждения бюджета.

Герцог Ришельё в своей переписке с послами Франции в Лондоне, Петербурге, Берлине и Вене настойчиво продвигал следующую мысль: необходимо убедить европейские дворы в том, что необходимость в оккупации восточных департаментов Франции отсутствовала, а состояние Франции не вызывало беспокойства за будущее Европы. Более того, союзники по антинаполеоновским коалициям сами начинали находить опасным для своих солдат соприкосновение с населением страны, где еще столь жив был дух революции, и откуда они могли занести на родину губительные для монархического принципа идеи. Сложная экономическая ситуация во Франции являлась для Ришельё еще одним весомым аргументом для убеждения союзных держав вывести свои войска: Франция не выдержит оккупации ни физически, ни морально, того и гляди, в стране разразится новая гражданская война.

Следующая проблема, которую предстояло решить Ришельё — выплата дебиторской задолженности (частных долгов). В марте союзники выставили счет — 1 млрд 600 млн франков! Посчитали все: цену поставок провианта; долги по выплатам жалования солдатам, в силу мирных трактатов, превратившихся в иностранных подданных; оплату пребывания раненых в лазаретах, почтовые расходы. Герцог д'Анал требовал, например, чтобы ему возместили долги, сделанные во времена Генриха IV [43, р. 334].

Ришельё был потрясен этой цифрой. В письмах послам он сообщал о невозможности выплаты такой суммы, требуя ее сокращения. Благодаря настойчивости Поццо ди Борго удалось добиться уступки со стороны Нессельроде. Однако Меттерних и Гарденберг упорно защищали позиции Австрии и Пруссии, требуя выплаты 200 млн и 150 млн франков соответственно. 10 сентября Ришельё согласился на сумму в 200 млн франков по частным долгам — и ни франком больше: «Если король хочет еще большего сокращения долгов, пусть этого добивается другой министр, но только не я» [43, р. 336].

Переговоры, точнее, торг, шел с февраля по март 1818 г. Ришельё целый месяц тратил на это по шесть-семь часов в день. Аргументы Ришельё сводились к следующему: Франция не только не способна платить такие суммы, но есть риск, что она восстанет против жестокости союзников. В итоге вместо первоначально определенного 1 млрд 600

млн франков Франция должна была уплатить 240 млн 800 тыс. 23 апреля была подписана соответствующая конвенция.

Снова стал вопрос о деньгах. Ришельё вновь был вынужден прибегнуть к займам, решив разместить на сей раз хотя бы часть ценных бумаг на французском рынке. 30 мая была подписана конвенция с Бэрингом и Лабушером [43, р. 338]. Гарантии выплаты военной контрибуции в очередной раз предоставил лондонский банк. Эта операция имела неожиданный успех: банковские конторы брали штурмом. В августе 1818 г. рента возросла до 80 франков [43, р. 338].

Путь к окончательному освобождению территории был открыт. 25 апреля Ришельё заявил об этом Палате. 25 мая посланники союзных держав оповестили свои правительства о созыве в сентябре 1818 г. конференции в Ахене для обсуждения вопроса о выводе оккупационных войск с территории Франции. Место было выбрано отнюдь не случайно: именно в Ахене были подписаны трактаты, окончившие две войны, Деволюционную войну между Францией и Испанией в 1668 г. и войну за Австрийское наследство в 1748 г.

На конференции присутствовали австрийский и русский императоры, король Пруссии, министры. Ришельё прибыл в Ахен 27 сентября. Танцевали меньше, чем в Вене, переговоров вели больше. Цель Ришельё заключалась в достижении полного освобождения Франции от иностранных войск и разрушении альянса четырех держав, базирующегося на Шомонском трактате от 1 марта 1814 г. [43, р. 341-342].

Между тем, с конца мая 1818 г. по Европе ходила записка, составленная бароном де Витролем по просьбе брата Людовика XVIII, графа д'Артуа, в которой делался вывод о том, что присутствие иностранных войск на территории Франции является необходимым условием для поддержания ее внутривнутриполитической стабильности [29, р. 8-9], и что с их уходом во Франции может вспыхнуть новая революция [43, р. 342].

Обеспокоенный Ришельё настоял на немедленной встрече с царем. Она состоялась 29 сентября 1818 г., однако ее результат обескуражил герцога. Александр, уже отошедший от либеральных идей, опасался «катастрофы», считая, что Франция «еще больна», — сообщал Ришельё в письме королю [43, р. 342].

Однако в итоге Ришельё победил. Александр I изменил свою позицию. Вечером того же 29 сентября полномочные представители четырех держав, собравшись у прусского представителя князя К.А. фон Гарденберга, сообщили Ришельё о своем решении вывести оккупационную армию с территории Франции. 2 октября было подписано соглашение, оформленное 9 октября в официальную конвенцию, в которой Людовику XVIII

объявлялось, что иностранные гарнизоны покинут французские крепости не позднее 30 ноября того же года. Ришельё смог отстоять положение о рекрутском наборе: закон Гувион Сен-Сира позволял увеличить численность армии со 150 до 240 тыс. солдат.

15 ноября пять держав подписали протокол и генеральную декларацию. Однако в тот же день по инициативе лорда Р. Каслри был тайно возобновлен Шомонский союз [43, р. 349].

Оккупация Франции в 1814–1818 гг. явилась тяжелейшим испытанием для страны, поднявшейся за годы правления императора Наполеона на небывалую высоту и достигшей колоссальной славы. Россия не только внесла решающий вклад в разгром наполеоновской империи, но и способствовала скорейшему возрождению Франции, выступив против ее превращения во второстепенную державу и за сохранение ее сильных позиций в Европе. Несмотря на то, что герцог Ришельё и генерал Рошешуар, вернувшись на родину и будучи подданными французского короля, в годы Реставрации действовали от имени и во имя Франции, а граф Поццо ди Борго, являясь послом Российской империи во Франции, защищал российские интересы, их политика была согласованной и солидарной, что было связано с совпадением интересов двух стран в первые годы после окончания наполеоновских войн.

2 Французы в России и русские во Франции

2.1 Французы в России в 1830-1840-е гг.: путешественники, журналисты, исследователи

Несмотря на то, что контакты между Россией и Францией были ограничены, французы в России бывали, и многие из них оставили свои воспоминания по следам путешествий. В 1842 г. Россию посетил известный переводчик и путешественник Ксавье Мармье (1809—1892). Он являлся сотрудником журнала «la Revue des Deux Mondes», занимал кафедру профессора зарубежной литературы в Ренне и Реймсе. 3 июня 1842 г. на небольшом судне Мармье отплыл из Хельсинки в Выборг, откуда отправился в Петербург, где пробыл с 9 по 23 июня. Он был принят в литературных салонах, имея рекомендательные письма от своего друга А.И. Тургенева. С.С. Уваров, министр просвещения, предложил ему даже остаться в столице. С большим интересом Мармье осматривал достопримечательности, а также все, что ему показывали, начиная от скелета мамонта и заканчивая кофейником Наполеона. У князя В.Ф. Одоевского он встретился с Н.В. Гоголем; писатель напомнил ему одну из описанных им «мертвых душ».

С 25 июня по 20 июля Мармье находился в Москве. Там он встретил А.И. Тургенева; познакомился с Герценом, славянофилами, в том числе с поэтом Хомяковым, историком и литератором С.П. Шевыревым. Потом направился в Петербург, написал поэму «В России», и уехал через Ковно в Варшаву, а оттуда — через Германию в Париж. Он писал своему коллеге, известному журналисту Франсуа Бюлозу из Лейпцига: «В России и Польше меня встретили с большой теплотой. В Петербурге меня оберегали, а министр просвещения сделал мне прекрасные подарки. Но все эти замечательные сувениры не мешают мне свободно говорить [о России]...». Его «Письма о России: Финляндия и Польша» публиковались сначала в «la Revue des Deux Mondes» (1 декабря 1842 г., 1 января, 15 января и 1 апреля 1843 г.), а в 1843 г. они появились в виде отдельной книги в двух томах [81]. В 1844 г. работа была опубликована на немецком языке, в 1851 г. вышло еще одно издание в Париже.

В то же время, полагал историк М. Кадо, до публикации в 1843 г. книги Астольфа де Кюстина работа Мармье была лучшим из травелогов, которые французский читатель мог прочесть о России [4, p. 105].

Побывал в России и виконт В. д'Арленкур, написавший о путешествии два тома,

озаглавленные «Паломник-Полярная звезда». Его поездка длилась менее трех месяцев. Он уехал из Парижа спустя некоторое время после катастрофы на железной дороге Париж-Версаль (8 мая 1842), нанес визит барону Геккерну, поверенному в делах Голландии в России, приемному отцу Дантеса, проехал через Гамбург, потом в Травемунде сел на корабль «Николай I». На борту он познакомился с графом Александром Григорьевичем Кушелевым-Безбородко, директором департамента Государственного казначейства, в распоряжении которого были три меблированные каюты и гостиная на 16 персон. Благодаря ему д'Арленкур избежал проволочек на российской таможне.

Француз остался доволен пребыванием в российской столице. Исаакиевский собор он воспринял как «полумрачную, полулучезарную мечту, реализованную в мраморе и золоте». В сопровождении князя Г.П. Волконского он побывал в Зимнем дворце, который не произвел на него большого впечатления. Почему-то он вспомнил о событиях 14 декабря 1825 г. и женах, последовавших за своими мужьями в Сибирь. Упомянул он о своем приглашении к графине Нессельроде, салон которой был полон генералов, послов и министров; об ужине на Островах у министра Уварова. В Петергофе граф И.И. Воронцов-Дашков представил его императору Николаю, который обратился к нему, якобы, с такими словами: «Вы прибыли в Россию, это честь для нас, и я вам за это благодарен». 27 июля Арленкур покинул Петербург в сопровождении музыканта и мецената князя Николая Борисовича Голицына, и через Новгород и Тверь прибыл в Москву. Он посетил Троице-Сергиеву лавру, многочисленные дворцы в окрестностях древней столицы [4, р. 105]. После короткого путешествия в Нижний Новгород Арленкур вернулся в Петербург, 2 сентября из Кронштадта отправился в Ревель, а оттуда — в Швецию.

Свои наблюдения о России оставил и Генрих Мериме, дальний родственник Проспера Мериме. Будучи в Италии, он познакомился Н.А. Мельгуновым (Мельгунов Николай Александрович (1804-1867), писатель, публицист, переводчик, музыкальный критик), С.А. Соболевским (Соболевский Сергей Александрович (1803-1870), библиофил и библиограф, автор эпиграмм и шуточных стихотворений), выучил несколько русских слов и в 1839—1840 г впервые оказался в России, посетив лишь Петербург и Москву. Его письма о России появились сначала в прессе в 1844 г., потом в виде небольшой книги в 1847 г., озаглавленной «Год в России. Письма Сен-Марк Жирардену» Но, по словам М. Кадо, эта книга не была особенно замечена ни в России, ни во Франции [4, р. 107].

Приезжал в Россию и Луи Виардо, супруг знаменитой певицы Полины Виардо. В 1823 г., находясь на военной службе, он побывал в Испании, и с этого момента превратился

в страстного путешественника. В 1836 г. появился его перевод на французский язык «Дон Кихота». Он стал директором Итальянского театра и вскоре пригласил в труппу 17-летнюю Полину Гарсиа, на которой в 1840 г. женился и оставил Итальянский театр, сопровождая жену в европейских турне, продолжавшихся более 20 лет.

В России чета Виардо оказалась осенью 1843 г. Полина пела в Большом театре Петербурга 22 октября (3 ноября) и имела огромный успех. Луи Виардо зимой 1843—1844 г. также не терял времени даром: он много охотился, переводил повести Гоголя, в том числе «Тараса Бульбу», не зная русского языка. В столь трудном деле ему помогал молодой и энергичный поклонник его жены, Иван Сергеевич Тургенев. После обучения в Берлине Тургенев вернулся в Петербург, был прикреплен к министерству внутренних дел, работал под началом знаменитого фольклориста Владимира Даля. 1(13) ноября 1843 г. он познакомился с Полиной Виардо [4, р. 106]. В компании Тургенева ее муж охотился в окрестностях Петербурга. Охотничьи рассказы Виардо на протяжении 1844 года публиковались в журнале «Иллюстрация» («Illustration»), а потом вышли отдельной книгой, объединив его воспоминания об охоте в Испании, Англии, Венгрии и России. В его взгляде на Россию чувствуется влияние Кюстина, чья работа уже была опубликована. Виардо замечает красоту крестьян, он очарован лесами и заснеженными равнинами. По его мнению, в Россию надо ехать именно зимой. «Что делать зимой в Испании или Италии? Страдать от холода, поскольку здесь ничего не подготовлено, чтобы от него защититься. С другой стороны, что делать летом в России?» [82, р. 105-106]. Если общим местом рассуждений иностранцев были представления о русском холоде, то Виардо, напротив, пишет о том, что жилища русских весьма приспособлены для жизни зимой. «Дома в Санкт-Петербурге зимой всегда теплые, температура в них постоянная [82, р. 107]. В Петербурге его поразил домик Петра I, «в котором тот жил, когда в 1703 г. начал строить город. Он даже ниже простой крестьянской избы. Какая дистанция между этим домиком и Зимним дворцом!» [82, р. 110], — восклицает Виардо. Именно он предложил Тургеневу перевести на французский его «Охотничьи рассказы», столь полюбившиеся французам.

Побывал в России еще один интеллектуал, журналист и литератор Шарль де Сен-Жюльен (1802—1869). В 1828 г. он был представлен Альфонсу Ламартину, которому понравились его поэтические эссе. В 1831 г. Сен-Жюльен был приглашен на должность старшего лектора французского языка и истории французской литературы на филологический факультет Петербургского университета, издавал в Петербурге газету «le Furet». В 1834 г. Сен-Жюльен опубликовал «Краткий курс французской литературы»,

прочитанный им в 1833-1834 гг. Он познакомил Россию с Виктором Гюго, несмотря на негативное отношение к писателю со стороны императора Николая. В 1836 г. Сен-Жюльен был назначен библиотекарем в Румянцевский музей. В 1840 г. он опубликовал «Книгу для чтения по французскому языку», и анонимно — «Путеводитель по Санкт-Петербургу». Именно этот путеводитель изучал Бальзак перед поездкой в Россию. Осенью 1846 г. Сен-Жюльен вышел в отставку и тогда же стал членом-корреспондентом Санкт-Петербургской Академии наук с чином «придворного советника». Он писал сценарии или адаптировал сценарии других авторов для французской труппы Михайловского театра. Летом 1847 г. он вернулся во Францию, а уже 1 октября «la Revue des Deux Mondes» опубликовал первое из его больших исследований о русской литературе под заголовком «Пушкин и литературное движение России за последние сорок лет». В России работа была воспринята критически.

Мы не знаем почему, но весной 1851 г. Сен-Жюльен вернулся в Россию. Он совершил долгое путешествие через Москву, Нижний Новгород, Казань, потом по Волге добрался до Астрахани; оттуда направился на Кавказ, в курортные города Пятигорск, Кисловодск и оказался в Тифлисе. Обратный путь проделал через Тамань, Керчь, Крым, Херсонес, Одессу, украинские степи и Киев. В 1853 г. Сен-Жюльен опубликовал о своем путешествии весьма увлекательную книгу под названием «Живописное путешествие по России».

Как полагал М. Кадо, Сен-Жюльен, вернулся в Россию искать успеха, который не мог обрести во Франции, отсюда и его доброжелательность к России. В предисловии к книге, написанном в Петербурге и датированном маем 1853 г., он объясняет замысел своей книги и пишет, что у него уже давно возникла идея написать книгу о России, поскольку ее политическое влияние в Европе заметно возросло. Однако, по словам Сен-Жюльена, за исключением небольшого количества работ, публиковавшихся в «la Revue des Deux Mondes» и некоторых других изданиях, о России издавались только книги, наполненные заблуждениями или являющиеся памфлетами. Россия, по его мнению, остается terra incognita для Европы, отдаленная от нее расстоянием, незнанием языка и нехваткой серьезного изучения на местности. По его мнению, «путешествие по России будет плодотворным только после долгого погружения в ее историю, язык, обычаи» [83, р. 4-5].

Сен-Жюльен говорит об огромном прогрессе, достигнутом Россией, о том, что наша страна вовсе не чужда европейской цивилизации. Причем, по его словам, ощутимые изменения затронули все слои общества. Если в свой прежний визит одна русская барышня на его вопрос о том, какие из французских новинок она читала, простодушно ответила:

«Мольера», то спустя десять лет дамы в салонах мелкопоместного дворянства были неплохо осведомлены о современной французской литературе. И сами салоны изменились: если прежде они поражали француза просто обилием угощения и напитков, то теперь приемы стали более изысканными [84, р. 221-223]. И при этих изменениях, по мнению Сен-Жюльена, русские смогли сохранить свою национальную идентичность, самобытность, не подверженную никаким пертурбациям. Он пишет, что славянский характер остался тем же, и «старый боярин, старая Русь навсегда в нем остались» [84, р. 5]. Более того, по его мнению, вместе с развитием в России принципов европейской цивилизации национальный дух «повсюду пустил еще более мощные корни» [84, р. 15]. Сущность же русского национального характера Сен-Жюльен выразил предельно лаконично, и заключается она в одном слове: «авось», или «avos», в интерпретации автора: «Никакие бедствия не смогут покорить Россию. Avos спасет от всего; это непере译имое слово означает одновременно веру в Бога, надежду на судьбу, подчинение силе вещей» [84, р. 5]. Единственное, чего не хватает русским, по мнению Сен-Жюльена, это дара предвидения.

Сен-Жюльен особо оговаривал, что его книга находится вне политики и не отражает какую-либо политическую доктрину, как и не формирует точного мнения о России. По его словам, это просто живописное путешествие по России, рассказ о «ее обществе, нравах, истории, народе, литературе» [84, р. 16-17]. Однако уйти от политики ему не удалось, и политическая позиция автора видна с первых страниц книги. Прежде всего это проявляется в его отношении к абсолютной власти, которую он считает «прогрессивной и правильной». По его словам, «идеи разумных реформ и полезных улучшений занимают лучшие умы, включая императора» [84, р. 15]. Император Николай, которого Сен-Жюльен именует «достойным последователем» Петра Великого, «не имеет времени быть царем-бездельником» [84, р. 15-16]. При этом, подчеркивал Сен-Жюльен, Николай наследовал только положительные качества Петра I: «Он имеет силу воли, твердость принципов, моральную мощь своего предка, но у него нет жестокости его характера. Его боятся и любят (добавим в скобках, идеальное сочетание по Макиавелли. — Н.Т.), особенно народ, который очень редко ошибается в своих чувствах по отношению к тому, кто им управляет» [84, р. 16]. Кроме того, Сен-Жюльен был убежден, что абсолютная власть в России направлена только во благо подданных; «она становится немощной, если захочет сделать зло» [84, р. 15]. Это связано, по мнению путешественника, с тем, что в России, как и в Европе, существует общественное мнение: «Злоупотребления властью возможны только во времена варварства или революционной диктатуры. Иван IV больше невозможен в наши

дни в России, как невозможен Людовик IX во Франции» [84, р. 16]. Как видим, Сен-Жюльен был весьма далек от того, чтобы ассоциировать образ власти в России с «черным мифом» об Иване Грозном. Абсолютная власть, по его словам, персонифицирует «в своем отеческом действии все живые силы страны». Отсюда «национальность абсолютной власти, то есть ее соответствие национальным интересам» [84, р. 14].

Однако книга Сен-Жюльена не стала бестселлером: она появилась в очень неподходящий момент, накануне Крымской войны, когда публике было не до травелогов, особенно если в них Россия описывалась в позитивном ключе, а противник априори не может быть привлекательным.

В Россию дважды приезжала принцесса Матильда Бонапарт вместе с супругом Анатолом Демидовым. Ее воспоминания, в которых описывается и путешествие в Россию, публиковались в журнале «*la Revue des Deux Mondes*» в 1927 и 1928 гг. под названием «Воспоминания о годах изгнания».

Для начала познакомимся с этой необычной супружеской парой. Анатолий Николаевич Демидов был наследником знаменитых тульских оружейников. Его отец, Николай Никитич (1773—1828), женившийся на Елизавете Александровне Строгановой, жил на два города: Париж и Флоренцию. Старший из сыновей, Павел Николаевич (1798—1840), служил в Измайловском полку, потом сделал карьеру дипломата. Анатолий — второй сын Николая, родился в Москве 24 марта 1812 г., воспитывался во Франции янсенистом аббатом Брамтом. Некоторое время служил атташе в русском посольстве сначала в Париже, потом в Риме и Вене, жил то в России, то во Флоренции. 1 ноября 1840 г. во Флоренции он женился на принцессе Матильде, дочери Жерома Бонапарта, брата Наполеона. По случаю свадьбы великим герцогом Тосканским Леопольдом II ему был пожалован титул князя Сан-Донато (по названию резиденции отца Анатолия) [84, р. 102]. Спустя некоторое время из-за конфликта, произошедшего между Демидовым и И.А. Потемкиным, российским посланником при дворах Рима и Тосканы, Анатолий, получил приказ незамедлительно вернуться в Россию [84, р. 104].

Для Матильды это стало полной неожиданностью: она мечтала о путешествии в Рим и Париж, а не холодную заснеженную Россию. В январе 1841 г. семья покинула Флоренцию и после невероятно сложной для изнеженной Матильды дороги 2(14) марта прибыла в Петербург и обосновалась в особняке Демидова на Невском проспекте. Если Анатолий был мрачнее тучи, ожидая встречи с государем, то Матильда, соскучившаяся по комфортной жизни, наконец-то вздохнула с облегчением. Более того, она приехала, можно

сказать, в гости к родственникам: ее мать, Екатерина Вюртембергская, была кузиной Николая I, а о великой княгине Елене, дочери Павла Вюртембергского и супруге брата Николая, великого князя Михаила Павловича, она сохранила прекрасные воспоминания с тех пор, когда та в 1828 г. посетила Флоренцию [86, р. 737].

Граф А.Г. Строганов, кузен Демидова, объяснил ему ситуацию: если Анатолий останется в тени жены, все пройдет гладко. Великая княгиня Елена Павловна взяла Матильду под свою протекцию и заявила, что берет на себя заботу представить ее ко двору. Император Николай произвел на Матильду столь же сильное впечатление, как и на всех, кто к нему приближался: «Внешне он являл собой тип абсолютного монарха, которому все должны повиноваться» [85, р. 369]. Николай был очарован принцессой. Когда Матильда во время приема сделала глубокий реверанс, государь поднял ее со словами: «Я имею право вас целовать на правах кузена» и дважды поцеловал в щеки и плечо. Потом, целуя руку, позвал цесаревича Александра: «Поцелуйте руку своей кузине». На прощание Николай сказал принцессе: «Надеюсь, мы будем часто видеться» [85, р. 369]. Поскольку Матильда царю понравилась, ее пребывание в Петербурге было превосходным. Однако Демидова раздражало, что он был вынужден ограничиваться ролью мужа своей жены, да еще с учетом того, что Николай запретил ему покидать Россию. Матильда же была прекрасно принята в высшем петербургском обществе. Император пригласил ее присутствовать на бракосочетании своего сына Александра с принцессой Марией Гессен-Дармштадтской, состоявшемся в Москве 16(28) апреля 1841 г. Дорога из Петербурга в Москву показалась Матильде мрачной, она с ужасом описывала жилища крестьян — «норы, вырытые в земле, покрытые опавшими листьями и навозом», где люди и животные жили вместе, являясь добычей паразитов. Эта нищета обострила ее ностальгию по Парижу: отныне ее единственной целью было добиться у императора разрешения вернуться во Францию вместе с мужем [85, р. 378].

Она видела, как на Красной площади толпа народа встречала Николая криками «Ура!»: «Тысячи людей осадили его коня, пытались его коснуться, и когда им это удавалось, они крестились». Матильда была поражена зрелищем подобного «восхищения, без всякого намека на пошлость и подобострастие». Николай, по ее словам, принимал эти «безумные проявления [любви] со слезами на глазах, проникнутый не надменностью, но признательностью» [85, р. 379].

По словам М. Кадо, принцесса Матильда разрешила одну из важнейших проблем, волновавшую западных наблюдателей: они полагали, что русские так поклоняются своим

государям исключительно из чувства вечного страха. Матильда же говорит не о страхе, а о привязанности народа к монарху и восхищении им (об этом, как мы помним, писал и Сен-Жюльен) [4, р. 145]. По мнению исследователя, лестные слова Матильды в адрес императора — это не что иное, как благодарность за любезный прием, оказанный ей Николаем. На мой взгляд, Матильда в своем восхищении императором была искренней.

Матильда была удовлетворена приемом, оказанном ей при русском дворе, но Николай сожалел, что Демидов возвращается в Париж: «Если я ему позволю уехать, Бог знает, каких он еще глупостей натворит!» [85, р. 382]. Матильда должна была пообещать, что берет мужа под свою ответственность. От Николая она даже получила разрешение нанести визит Луи-Филиппу в знак благодарности за восстановление ее в гражданских правах [85, р. 382]. После прощального ужина, устроенного императорской семьей в Павловске, супруги покинули Россию и 17 августа прибыли в Париж.

В России Матильда окажется следующим летом: Анатолий по настоянию императора был должен вернуться на родину после парижского «отпуска». В России супруги провели целый год. Во дворце на Английской набережной устраивались ослепительные приемы, на которых часто бывал Николай I. О втором визите в Россию воспоминаний Матильда не оставила...

В 1847 г. в Россию за признанием публики отправился композитор Гектор Берлиоз, хотя сама идея поездки возникла у него гораздо раньше. 16 марта и 6 апреля 1845 г. он исполнил «Жизнь за царя» Михаила Глинки. Берлиоз был не только композитором, но и активным музыкальным критиком. Он посвятил статью Глинке, опубликованную в «*de Journal des Débats*» 16 апреля 1845 г. С русским композитором Берлиоз познакомился еще в 1831 г., когда был учеником Римской школы, возглавляемой Оратором Верне. Летом 1845 г. Берлиоз аккомпанировал на праздниках, организованных Ф. Листом в Бонне в честь Бетховена. Там он встретил Н.И. Греча. Из письма Берлиоза Листу от 17 мая 1845 г., мы узнаем, что он «изыскивал средства отправиться ближайшей зимой в Россию» [4, р. 117]. В Парижской консерватории, где Берлиоз служил заместителем библиотекаря, он получил полугодовой отпуск для посещения Австрии и России. После Вены, где его ждал оглушительный успех, он направился в Прагу и Будапешт, однако в Россию не поехал, вернувшись в мае 1846 г. во Францию, где представил публике ораторию «Осуждение Фауста» в зале, на три четверти пустом. Вероятно, именно эта неудача заставила его искать успеха в России.

Через Тауроген, совершив, по его словам, четырехдневное путешествие в

«герметично закрытой металлической коробке», Берлиоз воскресным вечером 28 февраля 1847 г. прибыл в Петербург, где его встретил граф Михаил Юрьевич Виельгорский. Поэт и музыкант, он ввел Берлиоза в петербургское общество и представил ко двору [4, р. 118]. Виельгорский познакомил Берлиоза с Алексеем Федоровичем Львовым, возглавлявшим с 1837 г. Придворную певческую капеллу. С помощью Львова французский композитор набрал оркестр, в основном из немцев. Императрица и цесаревич пришли поздравить Берлиоза после его первого концерта, пресса захлебывалась от восторгов, однако Николай отнесся к нему весьма равнодушно. За первый концерт Берлиозу заплатили 12 тыс. франков. В Москве состоялся только один концерт; музыканты подобрались не слишком хорошие, хотя публика встречала тепло. Берлиоз надеялся заработать за концерт 15 тыс. франков, однако получил только 8 тыс. Вернувшись в Петербург, он дал драматическую симфонию «Ромео и Джульетта» в Большом театре с помощью А.М. Геденова, директора императорских театров, но успех был не столь оглушительным, как рассчитывал композитор. 12 мая состоялся последний концерт. Публика, поначалу весьма восторженная, быстро пресытилась Берлиозом: через три месяца ему больше не на что было надеяться в России. 1 июня через Тильзит он направился в Берлин. В России композитор побывал еще раз, зимой 1867—1868 гг., по просьбе своей почитательницы, великой княгини Елены [4, р. 119].

Бывали в России и технические специалисты. В 1838 г. для геологических исследований южных земель — Кавказа и степей Каспийского моря, в Россию отправилась супружеская чета Ксавье и Адель Оммер де Гелль. За открытие в 1839 г. железного рудника на берегу Днепра император Николай I наградил Ксавье орденом Св. Владимира. В 1841 г. семья путешествовала по Молдавии и югу России. В 1848 г. Ксавье Оммер де Гелль умер от дизентерии в Персии, а Адель в 1860 г. еще раз побывала в России. Супруги оставили ряд работ о путешествиях по Кавказу, степям Каспийского моря, Крыму и югу России.

Как полагал М. Кадо, супругам в России явно не понравилось. У меня же по прочтении работ Адель Оммер де Гелль сложилось иное мнение. Сам факт того, что по следам путешествия по России и Молдавии Адель выпустила поэтический сборник, показателен. А после прочтения ее поэмы о Крыме создается впечатление, что она в него совершенно влюбилась! Адель живописует природные красоты Крыма, лазурное море и мягкий климат; восторженно описывает Ай-Петри, Ялту, Бахчисарай; рассказывает таинственные легенды об истории Крымского ханства. Она пишет о том, что невозможно не испытывать удовольствия от посещения Крыма и чувства сожаления от расставания с

ним [87, р. 157], и что «Бог создал эту землю для тех, кто хочет жить в мире и любви» [87, р. 156].

Аналогичное впечатление создается по прочтении работы Адель Омер де Гелль «Путешествие по степям Каспийского моря и южной России», опубликованной в 1860 г. Свою книгу она предваряет статьей, написанной известным литератором Сен-Марк Жирарденом и публиковавшейся в «Le Journal des Débats» 5 декабря 1845 г. и 6 января 1846 г. Статья, имеющая явно критический характер, посвящена работе ее мужа «Степи Каспийского моря, Кавказа, Крыма и южной России», выходившей в 1843—1845 гг. Сен-Марк Жирарден называет работу Ксавье де Гелля самой «забавной и поучительной из всех книг, которые можно прочесть о России», и упрекает супругов-путешественников в том, что, не посетив ни Петербурга, ни Москвы, и видя только южные русские земли, берега Каспийского и Черного морей, они судят о России в целом, принципах ее управления, составе населения, нравах, обычаях, «то есть обо всем, что, якобы, лучше понимаешь вдали от двора и административного центра» [88, р. II]. Адель не спорит с известным литератором; она просто делится своими впечатлениями о путешествии по югу России, теперь уже в прозе, но ее отношение к нашей стране остается прежним: Россия ей нравится. Адель — настоящая путешественница; а путешествие по степям Каспийского моря для нее — настоящая авантюра! Утонченная парижанка, она не боится трудностей, более того, она в восторге от того, что окажется в столь отдаленных местах, где будет вести кочевую жизнь, полную приключений, ночевать не в уютной комнате гостиницы, а под навесом в пустыне [88, р. 2-3]. Нельзя сказать, что восторженная путешественница видит российскую действительность исключительно в радужных тонах. Адель говорит и о «деспотизме» власти (которая, по ее же словам, оказывается не такой уж деспотичной), и воспроизводит стереотипы о «потемкинских деревнях» [88, р. 6-8], но в целом увиденную ею Россию описывает, на мой взгляд, с симпатией.

Южный берег Крыма поразил ее как своими природными, так и рукотворными красотами. История российского Крыма насчитывала к тому моменту еще относительно немного времени, но за очень короткий по историческим меркам период полуостров в результате правления российских властей претерпел большие позитивные изменения, особенно при генерал-губернаторе Новороссийского края графе (с 1845 г. князе) Михаиле Семеновиче Воронцове. За двадцать один год его руководства, с 1823 по 1844 гг., был создан тот Крым, который мы знаем и поныне, с его знаменитым Воронцовским дворцом и парком, дворцом в Массандре, виноградниками и винным заводом Магарач, а также

дорогой, соединившей населенные пункты Крымского побережья. Правда, дворец Воронцова в Алушке, тогда еще строившийся, Адель не понравился. Она его именует «почти царской резиденцией», но полагает, что «в наши дни такое жилище — это настоящий анахронизм». Огромные башни и стены дворца она называет «пародией на прошлое»: «Что они видели? Свидетелями каких битв, каких историй любви и ненависти они являлись?» Резиденцией Воронцова, по словам Адель, можно любоваться, но она не затрагивает душу [88, р. 370-371]. В целом же деятельность графа Воронцова она оценивала очень высоко, отмечая, что именно он создал привлекательный образ Крыма, и туда потянулись как аристократы, начинавшие воспринимать полуостров как модный курорт, так и предприимчивые люди, желавшие там экономически преуспеть, в том числе и иностранцы. Однако, большинство из них, по ее словам, разорились [88, р. 372-373].

С именем Адель Оммер де Гелль связана еще одна история, почти детективная. В 1933 г. в Москве был опубликован «перевод» сборника из 140 писем, якобы принадлежавших Адель Оммер де Гелль [89]. На самом деле, как установили советские исследователи, эти письма являются литературной мистификацией, принадлежащей перу сына П.А. Вяземского, Павла Петровича Вяземского, известного историка литературы и археографа [90]. В записках наряду с описанием впечатлений от путешествий по Кавказу и Крыму упоминалось имя М.Ю. Лермонтова, что и придавало им характер скандальной сенсационности.

Конечно, бывали среди французских путешественников и такие, которые, как маркиз де Кюстин, возвращались из России разочарованными. Как отмечал М. Кадо, если убежденные легитимисты, обращавшие внимание исключительно на аристократию, восхищались политической эффективностью режима, то для либералов система, при которой слепой культ государя занимал центральное место политической жизни, была неприемлема [4, р. 539]. Критические работы появляются уже накануне и в ходе Крымской войны. Тем же путешественникам, которые бывали в нашей стране в 1830—1840-е гг., Россия, как правило, нравилась. Для них Россия была неизвестной и только открываемой ими страной, одновременно дикой и гостеприимной. Русского языка они, чаще всего, не знали; оставались в России на протяжении нескольких недель или месяцев; видели лишь два-три русских города; общались, в основном, с аристократией. Были французы, отправившиеся в Россию за успехом, который они не могли обрести на родине. Антиниколаевская либеральная и католическая пропаганда, несмотря на ее настойчивый характер, не повлияла на впечатления французских путешественников о России. Даже

крепостное право не воспринималось ими как варварский институт. Напротив, жизнь русской аристократии в обществе, экономически основанном на крепостничестве, в глазах французов обладала определенным шармом и напоминала образ жизни плантаторов на Юге США.

Не соглашусь с мнением Кадо, что наиболее критические свидетельства о России принадлежат путешественникам, находившимся в нашей стране продолжительное время [4, р. 538].

2.2 Париж Виктора Балабина

Итак, несмотря на все запреты, порой окольными путями, «наши люди» в Париже бывали и оставляли об этом интереснейшие наблюдения. Но одно дело — провести в запретном городе несколько недель, или даже месяцев, а другое — много лет. Конечно, тот же князь Вяземский был воспитан в традициях французской культуры, и для него Франция, Париж — ментально близки, но внешне — это новая среда и атмосфера. Другое дело — взгляд изнутри. Такой Париж в описаниях день за днем предстает на страницах «Дневника» русского дипломата Виктора Балабина, описывавшего хронику своей парижской жизни. Глазами тонкого и внимательного наблюдателя мы можем взглянуть на Париж 1840-х гг., с его салонами, театрами, кафе и ресторанами, политиками, светскими знаменитостями и простыми горожанами. О Париже тех лет оставили свои наблюдения многие интеллектуалы той эпохи: Доротея Дино, возлюбленная и многолетняя спутница жизни князя Талейрана, мадам Адель де Буань, хозяйка влиятельного салона эпохи Реставрации и Июльской монархии, секретарь австрийского посольства граф Рудольф Аппоньи. Письма Виктора Балабина с полным правом относятся к плеяде этих блестящих свидетельств эпохи.

Что особенно ценно, Виктор писал не для публики. Привязанный к семье, он на протяжении многих лет переписывался со своей матерью, вовсе не предполагая, что его письма будут опубликованы. В 1914 г. под названием «Дневник Виктора Балабина» их опубликовал французский историк и издатель Эрнест Доде, правда, вышел только первый том, повествующий о событиях 1842—1847 гг. Второй том, как сообщалось в предисловии к первой книге, должен был увидеть свет через несколько месяцев. Но умер издатель, началась Первая мировая война, и вторая книга так и не вышла...

Итак, начнем путешествие по Парижу вместе с Виктором Балабиным. Но сначала немного познакомимся с нашим гидом. Виктор Петрович Балабин, сын генерал-лейтенанта Петра Ивановича Балабина и француженки Варвары Осиповны Пари. Он родился в

Петербурге в 1813 г. В 1832 г., едва достигнув 19-летнего возраста, вступил на дипломатическое поприще. В 1842 г., после десятилетней стажировки в министерстве иностранных дел, был назначен секретарем посольства в Париже и в этом качестве пробыл там 9 лет.

В Париже Балабин должен был заменить второго секретаря посольства князя Ивана Сергеевича Гагарина, которого отправляли в Вену. Интересы России в отсутствие графа Палена, как мы знаем, представлял поверенный в делах советник посольства Н.Д. Киселев. Функции Киселева, по мнению Э. Доде, сводились лишь к тому, чтобы не допустить окончательного разрыва отношений между Петербургом и Парижем. Это объясняет недоверие, которое, как полагает исследователь, Балабин испытывал к французам и Франции. По словам историка, по манере письма Балабина видно, что французы ему не нравятся. Доде задается вопросом: это политическая позиция или личное мнение дипломата? Историк полагал, что дипломаты Николая как официальные лица не могли демонстрировать свои симпатии по отношению к Франции. Равным образом очевидно, по словам Доде, что образование Балабина, среда, в которой он жил, его преданность государю и православной вере приводили к тому, что он воспринимал католиков как врагов, и сурово судил своих соотечественников, обратившихся в католичество (младший брат Балабина, Евгений, перешел в католичество и в 1852 г. вступил в орден иезуитов). Поэтому Францию, французскую нацию, Балабин, по мнению Доде, считал виновными в этом [74, р. 5-6]. Однако так ли было на самом деле? И не находился ли Доде в плену национальных стереотипов и представлений?

Итак, 26 мая 1842 г. Балабин через Кронштадт прибыл в Гавр, затратив на дорогу 8 дней и 9 часов, включая 10 часов, проведенные в Копенгагене и 6 часов в Гавре [74, р. 1-2].

На первую неделю он снял квартиру в одном из лучших отелей Парижа, «Ваграм», на улице Мира, недалеко от российского посольства, располагавшегося с 1839 г. в доме № 12 на Вандомской площади. Ожидая начала службы, вел праздную жизнь, жизнь Парижа, Бульваров, Елисейских полей, Булонского леса; «жизнь огромной толпы, зарабатывающей, чтобы тратить, живущей, чтобы наслаждаться, продающей утром, чтобы покупать вечером...» [74, р. 2].

Не знает, что его больше поразило — Нормандия или «чудовищный» Париж. Если Нормандия для него — идеал деревенской жизни, то Париж — адская печь [74, р. 3]. От Парижа у него не захватывает дух, как у князя Вяземского, Погодина или Строева. Он более сдержан, хотя Париж его поразил, он просто не хочет делать поспешные выводы: «Но

что Париж? Я о нем еще ничего не знаю. Париж — это бездна, водоворот, где крутится столько всего сразу, и все это нужно сразу схватить. Я увидел всего лишь несколько сторон этого драгоценного камня с тысячей граней» [74, р. 3].

Поэтому первым делом Балабин принялся исследовать город. Его «Дневник» — это прекрасный источник по истории повседневности. Он очень много пишет о деньгах; первые страницы «Дневника» — сплошные подсчеты. Местами он похож на скрягу, дотошно высчитывающего каждый франк! Например, сообщает, что пошел ужинать в «Роше» (как он пишет, только приезжие говорят «Роше де Канкаль» или «Булонский лес», свои говорят просто: «Роше», «Буа», и т. д.) И заказал: суп с крутонами «а ля-Конде»; филе кабана, палтус с соусом из устриц; зеленый горох по-английски, клубнику со сливками; за все заплатил 12 франков, включая вино [74, р. 7-8].

К вопросу питания Балабин подошел основательно: он отобедал в пяти разных ресторанах и сделал вывод: в Париже нет возможности удовлетворить свой голод меньше чем за 5—6 франков. Далее приводит пример: хлеб: 25 сантимов, полбутылки вина — 2 франка, бифштекс с картошкой — 1 франк 25 сантимов, жареный морской язык — 1,75—2 франка, кофе — 40 сантимов; итого: 5 франков 25 сантимов, плюс чаевые. Когда ужинаешь и заказываешь еще фрукты или мороженое, набегает еще 2—3 франка. Итак, кофе утром с хлебом и маслом — 1,5 франка, обед — 6 франков, десерты — 2,5 франка. В день получается 10 франков. И ежемесячные расходы: экипаж — 250 франков, стол — 300 франков, лакей — 100 франков; итого — 600 франков. «Портной, угольщик, прачечная, всегда большая статья непредвиденных расходов, спектакли, книги, перчатки, подписки, и я прихожу к выводу, что жизнь в Париже — одна из самых затратных», — таков итог подсчетов и вычислений Балабина [74, р. 14].

Столь же тщательно дипломат подошел к выбору лакея. По рекомендации одного из старейших работников посольства, служившего там 24 года, Балабин взял на службу некоего Луи Таллара, 40-летнего, интеллигентного вида мужчину, бдительного, служившего 20 лет в России, 7 лет — в Лондоне, говорившего по-русски, немецки, французски и английски. Стоили услуги этого замечательного малого 100 франков в месяц со столом и одеждой. Осталось только подписать договор в 40 статей! По статье 13-й лакею предписывалось быть любезным со всем персоналом посольства, избегать распрей и признавать, после Балабина, юрисдикцию метрдотеля. В статье 14-й особо оговаривалось, что он должен был демонстрировать величайшую любезность по отношению ко всем, кто мог войти в переднюю Балабина и не только вставать самому, но и поднимать всех тех, кто

мог находиться вблизи квартиры и мог встретиться на пути Балабина [74, р. 8-9].

Отдельная история — парижский транспорт. Балабин был наслышан, что он в Париже замечательно организован: экипаж можно найти на каждом шагу, и он вас отвезет из одного пункта в другой. На самом деле, пишет дипломат, дилижансы, коляски и прочие средства передвижения, названий которых он и не запомнил, отвезут вас вовсе не туда, куда хотите вы, а куда хотят они: это первое несоответствие. Кроме того, у экипажей нет привычки стоять ни у дверей отеля «Ваграм», ни у посольства России. И надо начинать путь пешехода, чтобы найти карету, поскольку они останавливаются там, где им заблагорассудится, не принимая в расчет, что клиенту нужно долго идти пешком или же ждать экипаж, который сможет его подвезти. Наконец, вы увидели экипаж, но на нем слово: «complet», то есть занято! [74, р. 9].

Или, например, кабриолеты, где вы, по словам Балабина, сидите рядом с «вонючим и грязным прохвостом». Еще он описывает кареты, именуемые «каролинами». Стоят они 1 франк 65 сантимов в час, с учетом чаевых выходит все 2 франка. Для того, кто уезжает и возвращается в фиксированный час, каролина весьма удобна. Но не для Балабина! «Ваш покорный слуга, который в три часа хочет искупаться в Сене, потом вернуться к себе, привести себя в порядок и нанести визит герцогине де Брой, потом пообедать у графа Сен-Прие, съесть мороженое у Тортони, наконец, провести вечер у графини Разумовской. Как можно пользоваться каролиной? Какой дьявол принес эту каролину?» [74, р. 10-11].

Наконец он приступает к обязанностям (когда время-то остается!). В посольстве ему отведены бывшие апартаменты князя И.С. Гагарина. Тот год назад заново меблировал одну из комнат, одновременно служившую салоном и кабинетом. У Балабина был выбор: купить мебель или вернуть ее князю. Но она была настолько удобной и элегантной, что Балабин решил ее приобрести. Тем более, что Гагарин уступал ее с 50-ти процентной скидкой. В результате за 1808 франков Балабин получил замечательную обстановку.

Служба его не утомляла. Он так описывал свой рабочий день: между десятью и одиннадцатью часами он спускался в канцелярию, визировал паспорта, потом приступал к разного рода дипломатическим делам, затем разбирал архивы посольства за 14 лет [74, р. 14]. Однажды в посольство явился Бальзак, который, как мы уже знаем, собирался в Россию и пришел визировать паспорт. «Впустите! — заявил я мальчишке-помощнику. Тут же передо мной появился грузный человек, с фигурой пекаря, осанкой сапожника, габаритами бочара, походкой торговца трикотажем [...] У него нет ни гроша, значит, он едет в Россию; он едет в Россию, значит, у него нет ни гроша» [74, р. 141].

Осмотр Парижа Балабин начал с посещения Версаля, стараниями Луи-Филиппа превращенного в 1837 г. в национальный музей Франции. Открытие его было приурочено к свадьбе герцога Орлеанского, старшего сына короля. Версаль произвел на дипломата странное впечатление: «это жизнь в смерти» [74, р. 14]. Луи-Филипп хотел превратить Версаль в музей национальной славы, соединив важнейшие вехи французской истории, включая период Революции и наполеоновской эпохи; легитимируя Наполеона, Луи-Филипп, таким образом, легитимировал и собственную власть. Однако Балабина такое соединение поразило. «Идея объединить в одном месте представителей и воспоминания двух самых великих эпох в истории Франции, без сомнения, прекрасна. Однако, нет ничего более несогласованного, чем это собрание. Победители, великие (маршалы. — Н.Т.) Наполеона выглядят как смиренные побежденные. [...] Наполеоновская эпоха в Версале — это вторжение героев бивуака в среду небожителей Двора» [74, р. 16]. По словам дипломата, создавался эффект, будто император и империя хотели, чтобы было забыто их революционное происхождение.

Еще одна вещь поразила Балабина в этой фузии: «У всех правителей, царствовавших во Франции, есть одна потаенная мысль. Повсюду, наряду с античными героями, присутствует народ, являющийся одновременно и хозяином положения. Народ — это и есть главный герой, а высшая власть лишь исполняет его волю, то ли не в силах ему сопротивляться, то ли потому, что в данный момент она сама отождествляет себя с народом. Таковы маршалы Наполеона во дворе Версаля и в музее, таковы полотна, живописующие наполеоновские победы...» [74, р. 16].

А общее настроение от посещения Версаля таково: «Каким бы грандиозным ни было первое впечатление от собрания в одном пространстве воспоминаний о королевстве, революции и империи, когда проникаешь глубже, видишь лезть и трусость, с одной стороны, а с другой — все эти маленькие страсти парвеню» [74, р. 17].

После Версаля Балабин отправился в Дом Инвалидов. «В добрый час! Здесь империя представлена во всей красе; император, окруженный своими старыми солдатами, двор, эспланада, купол, церковь — все это превосходно» [74, р. 17]. Больше всего Балабина поразила посмертная власть Наполеона. «Ни в одном дворце, ни в одной церкви вы не встретите такого глубокого молчания, которое царствует в часовне. Вы здесь больше не увидите парижского буржуа, и нет более жалкого зрелища, чем победитель Июля (имеется в виду Июльская революция 1830 г. — Н.Т.), пришедший отдать дань императору. Говорят, что народ забывчив, однако иногда у него хорошая память» [74, р. 17]. Балабин весьма

тонко подметил формирующийся во Франции культ Наполеона и развитие «наполеоновской легенды», которую Луи-Филипп сам неосторожно задел.

Начавшийся дождь вынудил Балабина укрыться на галерее и вступить в разговор с инвалидами. «Где вы были ранены? — Аустерлиц, Ваграм и т. д. И нескончаемые рассказы, смешанные с политическими размышлениями, смесь правды, вымысла, абсурда и т. д. — Но где солдаты, побывавшие в России? Мне хочется их увидеть. Зачем? — спрашивает меня один, без рук и без ног. — Потому что я хочу поговорить о моей стране. — А, вы русский? Знаю я вас, идите отсюда! Я был там, и я едва оттуда вырвался!» [74, р. 17].

«Дневник» Виктора Балабина — это не только прекрасное свидетельство повседневности Парижа 1840-х гг., но и зарисовки политической жизни столицы, ведущих политиков, света, двора, королевской семьи.

Балабин прибыл в Париж незадолго до трагедии, произошедшей в королевской семье, а именно гибели наследника престола, герцога Фердинанда Орлеанского, случившейся 13 июля 1842 г. Париж ждал похорон наследника трона. Для Луи-Филиппа и всей Франции это была огромная трагедия. Герцог Орлеанский был известен своими либеральными взглядами и популярен в народе. Все это Балабин верно подметил. Он писал: «Не странно ли, но для того, чтобы узнать, насколько он был любим и популярен в своей стране, принц должен был умереть? Любимый в армии за храбрость, проявленную под палящим солнцем Африки, буржуазией и народом за либеральные идеи, семьей и окружением за душевные качества, — о нем скорбят все. Я опрашивал по этому поводу торговцев, кучеров, солдат, рабочих предместий, у всех был один ответ: О, сударь, это ужасное несчастье для Франции!» [74, р. 24-25].

Российский дипломат подробнейшим образом описал траурную церемонию, состоявшуюся в холодный пасмурный день 30 июля. Парижане высыпали на улицы; по сведениям Балабина, было порядка 400 тыс. человек, не считая 40 тыс. Национальной гвардии. Народ заполнил все пространство от Собора Парижской Богоматери до Триумфальной Арки на площади Звезды. Главное, что поразило Балабина, — это отсутствие скорби у парижан: «Парижане пришли на церемонию, как на спектакль, призванный удовлетворить их праздное любопытство; в поведении, в лицах, в глазах людей напрасно вы бы стали искать выражение сожаления или даже легкой печали, ничего подобного. И слезы, и рыдания были замечены только господами редакторами правительственных газет» [74, р. 32].

Однако дальше он пишет: «Можно ли сделать вывод о том, что смерть герцога

Орлеанского не произвела никакого впечатления на народ? Вовсе нет! Напротив, впечатление было более живым и массовым, нежели это ожидали» [74, р. 32]. «Ну, вот, — сказал Балабин назавтра одному продавцу фруктов с улицы Сент-Оноре, пропали ваши июльские праздники! (имеется в виду празднование годовщины Июльской революции — Н.Т.) — Без разницы, плевать, у нас всегда есть что-нибудь!» [74, р. 33].

Если император Николай I категорически был против того, чтобы его подданные посещали Париж и уж тем более, наносили визит королю Луи-Филиппу, то Балабин это был вынужден делать по долгу службы. Впервые королевскую семью он увидел на ужине, состоявшемся в Тюильри 4 декабря, куда были приглашены российские дипломаты. В назначенный вечер в 20.45 карета привезла Н.Д. Киселева, секретаря посольства князя Куракина и Балабина во дворец. Они пересекли галерею Дианы, потом квадратную залу, где обычно находились адъютанты короля и принцы, и, наконец, вошли в красивый салон [74, р. 91]. Там перед большим камином расположились министры; в глубине зала находился большой круглый стол, за которым сидели дамы всех возрастов, одетые в траур; перед каждой находилась сумка с рукоделием из черного шелка; они работали в благотворительных целях.

Церемония приема, по словам Балабина, была проста; Киселев доложил о своем прибытии адъютанту короля графу Шабанну; тот представил российских дипломатов королеве Марии-Амелии: «У королевы нежное и доброе лицо. Оно хранит отпечаток недавних несчастий и дышит нежной меланхолией. У нее почти седые волосы; черные платье и шляпка только добавляют ее облику траура и печали» [74, р. 91].

После приветственных фраз, которыми российские дипломаты обменялись с Марией-Амелией, они продолжили тур вокруг королевского стола и были представлены сестре короля, мадам Аделаиде. «Насколько бледна королева, настолько ярка мадам Аделаида. Нет ничего благородного и возвышенного в выражении ее лица, но зато ощущается много ума. Как по внешнему виду, так и по характеру, она напоминает брата, короля [74, р. 91-92].

В это самое время Луи-Филипп, прохаживавшийся с маршалом Сультом в соседней комнате, заметил российских дипломатов и приблизился к ним, по словам Балабина, с самым приветливым видом в мире, будто он только и делал, что ждал их. «Одетый по-буржуазному... внешне он ничем не отличался от своих гостей. Ничто в его облике не указывало на монарха. Напрасно вы будете искать в его походке, манерах, осанке признаки величия, благородства и чувства внешнего превосходства. Однако, это первое впечатление,

неблагоприятное поначалу, рассеивается, как только король начинает с вами говорить, и вы различаете в чертах этого простоватого лица яркие признаки высшего ума, силы духа, остроумия и добродушия» [74, р. 92].

После того, как дипломаты были представлены королю, он обратился к ним с несколькими репликами, адресовав каждому по фразе, «говоря с легкостью, отличающей его разговор, к удовольствию собеседника, если он того захочет» [74, р. 92].

Побыв минут двадцать в салоне, наши дипломаты откланялись. Вернувшись к себе, Балабин обнаружил приглашение на ужин в королевский дворец. Как видим, никакого предубеждения в отношении Луи-Филиппа и приемов в Тюильри у Балабина не возникло. Король и королева были ему весьма симпатичны.

Тем временем, Балабин успел познакомиться с Парижем, который воспринимался им как целая Вселенная! Спустя 8 месяцев после прибытия во Францию он писал: «Париж — это целый мир, и, правда или нет, для европейской молодежи он является столицей развлечений. Европа легкомысленная ждет от него его вдохновения; Европа эlegantная — его модных новинок и статей о модах; глаза всех устремлены к политическому вулкану; внимательное ухо прислушивается к его рокоту. Европа политическая... слушает: мир или война. Какая алгебраическая формула, какой иероглифический знак мог бы выразить эту странную бигатуру (бигатура — крупномасштабная модель. — Н.Т.), эти наряды арлекина, это переплетение настоящего и будущего? Что это за общество, где каждый день встречаются старый конституционалист, солдат Империи, камердинер Людовика XVIII, исповедник Карла X, профессор или адвокат министров Июльской монархии? ... Это античный герб, к которому добавлена... революционная пика и шапка маленького капрала... Наконец, это лаборатория дьявола, или я не знаю что!» [74, р. 103-104].

Конечно, Париж — это свет. Балабин блестяще описывает парижские салоны, давая в духе Дельфины Жирарден их классификацию. Он выделяет салоны литературные; политические, разделяя их на легитимистские и салоны «золотой середины» (то есть правительственные); салоны дипломатические, среди которых особо выделяет салоны княгини Ливен и графини Кастеллан. В салоне Ливен властвовал Гизо; «звездой» салона Кастеллан был граф Луи Моле. Именно Гизо и Моле Балабин выделял среди политической элиты Франции.

Когда Балабин впервые увидел Франсуа Гизо в салоне княгини Ливен, он был поражен контрастом между его интеллектом, политическим влиянием и внешним видом. «Никогда не мог я представить Гизо, государственного деятеля, великого оратора, главу

кабинета [...] прославленного историка, худым, щедедушным человеком, показавшимся мне утонувшим в кресле и беседующим приглушенным голосом с княгиней Ливен. Барант, манеры которого просты, скромны и вовсе не аристократичны, по сравнению с Гизо выглядит Талейраном или Меттернихом. Вообразите себе что-то среднее между профессором французского языка и актером на пенсии, и вы получите представление о внешности Гизо. Между тем, когда видишь его большие глаза, блестящие и умные, его высокий лоб и общее выражение лица, начинаешь признавать его таланты» [74, р. 23-24].

Салон княгини Ливен, по словам Балабина — «это привычное место встреч дипломатов; англичан, оказавшихся в Париже и щеголей, принимаемых во всех салонах. Разговор здесь редко бывает интересным и последовательным; обязанность хозяйки дома сказать слово каждому; состязание дипломатов, представляющих различные интересы, присутствие некоторых важных элегантных иностранцев — все это заставляет поддерживать разговор на уровне светской беседы. Княгиня Ливен восседает на своем канapé и составляет центр общества и салона. Напротив, перед камином, находится группа из пяти или шести человек; Гизо перемещается от одного гостя к другому» [74, р. 104-105].

Балабин затрудняется ответить на вопрос, интересам России или Англии служит салон Ливен? В Париже, по его словам, представлен весь спектр мнений; «одни полагают, что в этом салоне защищаются интересы России, другие — что Англия вершит там свои дела. Есть и те, кто считает, что Англия и Россия имеют там равное влияние и тем самым прекрасно друг друга нейтрализуют» [74, р. 105].

По словам Балабина, именно «близость Ливен с Гизо позволяет ей общаться со всеми, имеющими политический или скорее дипломатический вес». Балабин полагал, что Дарья Христофоровна всего лишь использовала министра иностранных дел: «Гизо для нее лишь подножка, пьедестал, и она готова пожертвовать им, если таково условие ее возвышения!» [74, р. 23].

Совершенно иным, по мнению Балабина, был салон графини Корделии де Кастеллан, где царствовал Луи Моле. «Графиня — дама пятидесяти лет; “весь Париж” привлекает ее блестящий прирожденный ум, богатство, обширное воображение, искусство ведения беседы. Идеи, развиваемые у нее в салоне, всегда облечены в элегантную форму, полны тонкого и изящного вкуса» [74, р. 105]. Поскольку Моле, по мнению Балабина, в это время симпатизировал России, салон графини Кастеллан был выгоден российским интересам.

Самого же графа Моле Балабин считал одним из самых влиятельных французских

политиков, высоко оценивая его не только профессиональные, но и моральные качества: «Граф Моле — это человек лет пятидесяти-шестидесяти, с благородной осанкой и изящной фигурой. Он всегда прекрасно одет; это можно заметить уже по его обуви. Его речь возвышенна, серьезна; манеры почтительны и достойны; он являет собой истинный тип благородного человека. Моле — может быть, самый значительный, самый достойный из всех государственных мужей Франции. Он всеми уважаем за целостность характера, уверенность, благородство души, и, что редко бывает, за незапятнанную репутацию. Прибавьте к этому значительное состояние, замечательный довесок, который, обеспечивая независимость, вызывает уважение толпы и позволяет рассматривать Моле как преемника нынешнего кабинета» [74, р. 106-107].

Конечно, Балабин не мог обойти вниманием Адольфа Тьера. Он создал потрясающий портрет одного из самых ярких персонажей политической жизни Парижа (в светской жизни Тьер, как мы знаем, не особенно преуспел). «Я мало знаю Тьера и редко его вижу. Вообразите себе голову филина на теле мальчишки, серые и гладкие волосы, маленькие живые глаза, коренастую фигуру, крючковатые черты, вальяжный шаг — таков замечательный облик этого лилипута. Достоинство, прекрасный образ, изысканные манеры — ничего этого вы не найдете. В обществе, отдадим ему должное, он ведет себя достойно, сидит, скрещивая попеременно то ноги, то руки, а то, вдруг, начинает извиваться, будто хочет скинуть свою одежду, но потом все-таки решает ограничиться телодвижениями» [74, р. 107-108].

Однако внешнее впечатление обманчиво: «Если мы от тела обратимся к духу, то тогда филин превращается в орла, и переносит нас внезапно в самые возвышенные сферы истории и политики. Он говорит просто, одухотворенно, импровизируя, поражая своим практичным умом и справедливыми умозаключениями» [74, р. 108].

И еще одного политика особо выделяет Балабин — любимца светских дам Альфонса Ламартина. «Своими манерами он больше походит на английского джентльмена, нежели на поэта или французского депутата» [74, р. 109]. Ламартин принимает по субботам; «благодаря мадам Ламартин его салон — это святилище искусств. У нее замечательный разговор, возвышенный ум, потрясающий талант к живописи и скульптуре» [74, р. 109¹].

Балабин создал прекрасный поэтический портрет романтика-Ламартина. «Для политического мира Ламартин — это музыкант, звуками своей лиры, ее мелодичными аккордами удивляющий публику [...] Его личное благородство, его красноречие, его искренность, добросовестность — все это обеспечивает ему достойное, даже выдающееся

место среди прославленных ораторов французской трибуны...» [74, р. 109-110]. Гизо был не менее известным оратором, однако сравнение Балабиным двух политиков явно не в пользу последнего: «Чтобы оценить по достоинству ораторские способности Ламартина, послушайте Гизо, поднимающегося вслед за ним на трибуну» [74, р. 109-110].

Из «Дневника» Балабина мы узнаем и о других не менее важных и увлекательных сферах парижской жизни: музыке, театре, литературе, включая полемику вокруг книги маркиза де Кюстина, даже о солнечном затмении, случившемся 9 июля 1842 г.!

Последнее письмо Виктора Балабина из Парижа датируется 13 июля 1847 г. В 1852 г. он был отправлен в Константинополь, откуда в следующем году вернулся во Францию в качестве советника посольства, оставаясь на этом посту до начала Крымской войны. После разрыва дипломатических отношений между Россией и Францией он вернулся в Петербург, но уже через несколько месяцев был направлен в Вену. Там занимал пост советника посольства, потом был поверенным в делах, а в 1860 г. стал чрезвычайным посланником и полномочным министром. Балабин надеялся, что получит титул посла, но в 1864 г. в возрасте 52 лет он скоропостижно скончался... [74. р. I-II].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представления французов о России всегда отличались двойственностью и противоречивостью. Как правило, в оценке нашей страны не было «золотой середины»: Россию либо любили и связывали с ней надежды на будущее европейской цивилизации, либо, что было гораздо чаще, ненавидели и воспринимали как варварское деспотичное государство. Как заметил французский историк Шарль Корбе в своей книге о восприятии французами России XIX века, написанной на волне советско-французского сближения в годы президентства Шарля де Голля, восприятие зависело от двух факторов: как Франция сама себя ощущала, и каковы были ее ожидания от России. Соответственно, сильная Франция испытывала к России по большей части презрение, и только после поражения во франко-прусской войне 1870-1871 г. униженная и ослабленная Франция изменила взгляд на Россию, стремясь найти в ней жизненно необходимую опору. То есть это не мы изменились, мы остались прежними, но нас стали воспринимать иначе.

На последнем этапе Наполеоновских войн, вследствие активной пропаганды Наполеона, в сердцах французов поселился страх перед русскими: при одном упоминании слова «казак» их охватывал панический ужас. Однако казаки, расположившиеся лагерем на Елисейских полях прямо под открытым небом, оказались, по словам 12-летнего Виктора Гюго, «кроткими, как агнцы». Именно Россия настояла на том, чтобы Франция была сохранена как великая держава; именно политике императора Александра I Франция обязана конституционной Хартией, а также скорейшим освобождением страны от оккупационных войн.

Прошло 15 лет, и Францию вновь захлестнула русофобская волна. Это было связано с произошедшей в стране в 1830 г. Июльской революцией и реакцией на нее императора Николая I. Государь, верный принципам легитимизма и законных порядков, установленных Венским конгрессом, на первых порах был готов защищать низложенного короля Карла X силой оружия. Правда, он быстро успокоился, да и восстание в Польше, вспыхнувшее в 1830 г., поглотило все его внимание на целый год, но русских стали воспринимать как гуннов, а Николая — как Атиллу, готового подчинить себе Европу. И именно поляки, эмигрировавшие во Францию, стали главным центром распространения русофобских идей.

С подачи одного из популярных телевизионных ведущих считается, что термин «русофобия» впервые был употреблен Ф.И. Тютчевым в письме дочери в 1867 г. Причем Тютчев говорил о «русофобии некоторых русских людей». На самом деле, этот термин упоминается гораздо раньше, например, у князя П.А. Вяземского в тексте, относящемся к

1844 г. В это же время это слово употребляет и министр иностранных дел граф К.В. Нессельроде.

Всем нам хорошо известно такое явление, как информационные войны. Оно возникло не в XX веке, а было распространено уже в XIX столетии, когда пресса стала действительно массовой и приобрела значение четвертой власти в обществе. Посредством прессы русофобские настроения становились предметом широкой гласности; постоянно повторяемые, они незаметно индоктринировались в массовое сознание, а русофобия становилась модным явлением. Тем более, что о стране, далекой и неизвестной, легче всего сообщать всяческие нелепицы, формируя в нужном направлении общественное мнение.

Самая настоящая информационная, или, как тогда называли, «журнальная» война, была спровоцирована нашумевшей книгой, а точнее, памфлетом маркиза Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году», опубликованной в 1843 г.

Каков же был итог этой «журнальной» войны? Многочисленные антикюстиновские публикации никак не повлияли на мнение французов и их образ России. Как отмечал современный исследователь О. Неменский, у Запада была и есть своя Россия, вовсе не похожая на нашу страну.

Информационная война, война перьев, всегда имеет риск перерастания в войну пушек. Именно это и произошло в начале 1850-х гг., когда баланс сил оказался нарушенным, а Россия из страны, внесшей существенный вклад в разгром Наполеона, превратилась в главную угрозу европейского спокойствия. И напрасно многоопытный К.В. Нессельроде полагал, что «русофобия пройдет, как прошли другие безумства нашего века». На дворе уже XXI столетие, но термин «русофобия» никуда не ушел из политического лексикона, а русофобия как явление, к сожалению, составляет важнейший атрибут современных международных отношений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Неменский О.Б. Русофобия как идеология // Вопросы национализма. № 13. 20013. С. 26-65. [Интернет-ресурс] // <http://www.cis-emo.net/ru/news/nemenskiy-ideologicheskaya-rusofobiya>. (Дата обращения 14.12.2017).
2. Кунакова Л. Н. Информационная война как объект научного анализа (понятие и основные характеристики информационной войны) // Альманах современной науки и образования Тамбов: Грамота, 2012. № 6 (61). С. 93-96.
3. Vyazemsky P.A. Encore quelques mots sur l'ouvrage de M. de Custine: La Russie en 1839, à propos de l'article du Journal des Débats, du 4 janvier 1844 // Cadot M. La Russie dans la vie intellectuelle française. 1839-1856. Paris, 1967.
4. Cadot M. La Russie dans la vie intellectuelle française. 1839-1856. Paris, 1967.
5. Nesselrode Ch. de. Lettres et papier. Paris, 1908. Т. 7.
6. Французы в научной и интеллектуальной жизни России XIX века. М.: ИВИ РАН.- 2013. – 387 с.
7. Черкасов П.П. Россия и Франция: 300 лет совместной истории // Экономические стратегии. 2010. № 10.
8. Таньшина Н.П. Антирусские настроения во Франции в годы Июльской монархии // Новая и новейшая история. № 4. 2017. С. 91-108.
9. Corbet Ch. A l'ère des nationalismes. L'opinion française face à l'inconnue russe (1799-1894). Paris, 1967.
10. Рэй М.-П. Александр I. - М.: РОССПЭН.- 2013.
11. Кунакова Л. Н. Информационная война как объект научного анализа (понятие и основные характеристики информационной войны) // Альманах современной науки и образования Тамбов: Грамота, 2012. № 6 (61). С. 93-96.
12. Меж двух восстаний. Королевство Польское и Россия в 30-50-е годы XIX в. / Отв. ред. С.М. Фалькович. - М., 2016.
13. Таньшина Н.П. «Наполеоновская легенда» во Франции в годы Июльской монархии // Новая и новейшая история. 2016. № 5. С. 26–44.
14. Туре Ж., Булах А.Г. Цветной камень гробницы Наполеона в Париже: искусство, геология, география // Вестник СПбГУ. Науки о Земле. 2017. Т. 62. Вып. 1.
15. Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы Министерства иностранных дел Российской Федерации. Серия I. Том VIII. Май 1814 - ноябрь 1815. М.: Наука, 1972.
16. Глаголева Е. Дюк де Ришельё. - М.: ЖЗЛ. - 2017.
17. Грюнвальд К. Франко-русские союзы. - М.: Наукаю- 1968.
18. Европейская дипломатия и международные процессы эпохи наполеоновских войн. М.: Аспект Пресс.- 2012.
19. Сперанская Н.М. Шарль де Сен-Жюльен — французский журналист в России // Французы в научной и интеллектуальной жизни России XIX века. - М. - 2013.
20. Куриев М. М., Пономарев М. В. Век Наполеона: люди и судьбы. М.: Мирос, 1997.
21. Ливен Д. Россия против Наполеона: Борьба за Европу, 1807-1814. М.: РОССПЭН, 2012.
22. Освободительные походы русской армии 1813-1814 гг. в истории России и Европы: Материалы Международной научной конференции (Москва, 25-26 марта 2014). М.: ИРИ РАН.- 2014.
23. Рей М.-П. 1814-1815 гг.: от французского похода до конгресса в Вене. Александр Первый — европейский император? // Эпоха 1812 года в судьбах России и Европы: материалы Международной научной конференции (Москва, 8-11 октября 2012 г.). М.: ИРИ РАН, 2013. С. 22-29.
24. Слонимский Л.З. Франко-русская политика в начале столетия // Вестник Европы. 1891. № 2.
25. Таньшина Н.П. Карл Осипович Поццо ди Борго // Вопросы истории. 2008. № 4. С. 67-85.

26. Таньшина Н.П. Граф Ш.-А. Поццо ди Борго: корсиканец на русской службе // Актуальные проблемы новой и новейшей истории зарубежных стран. Электронное издание. Материалы ежегодной научной сессии кафедры новой и новейшей истории. М., 2017. С. 26-40.
27. Эпоха 1812 года в судьбах России и Европы: материалы Международной научной конференции (Москва, 8-11 октября 2012 г.). М.: ИРИ РАН, 2013.
28. Boigne A. Mémoires de la comtesse de Boigne. T. 1. Paris: Mercure de France, 2006.
29. Cisternes R. de. Duc de Richelieu. 1818-1821. Paris: Calmann Lévy, 1898.
30. Correspondance diplomatique du comte Pozzo di Borgo ambassadeur de Russie en France et du comte de Nesselrode depuis la Restauration des Bourbons jusqu' au congrès d' Aix-la Chapelle. 1814-1818. T. 1-2. Paris: Calmann Lévy, 1897.
31. Lettres du duc de Richelieu au marquis d'Osmond, 1816-1818. Publiées par Sébastien Charléty. Paris: Gallimard, 1939.
32. McErlean J. Napoléon et Pozzo di Borgo. 1764—1821. Paris: Editions de Paris, 2007.
33. Memoires et correspondances du prince de Talleyrand. Édition intégrale presantée par Emmanuel de Waresquiel. Paris: Robert Laffont. - 2007.
34. Rochechouart L.V.L., de. Souvenirs sur la Révolution, l'Empire et la Restauration. Paris: Librairie Plon. - 1892.
35. Захарова О.Ю. «Я князь, коль сияет дух...». Подольск, 1997. О генерале М.С. Воронцове см. также: Захарова О.Ю. Генерал М.С. Воронцов: От Бородина до Краона // Эпоха 1812 года в судьбах России и Европы: материалы Международной научной конференции. С. 295-303.
36. Дебидур А. Дипломатическая история Европы. Т. 1. - Ростов-на-Дону: Феникс. - 1995.
37. Sédouy J.-A. de. Le Congrès de Vienne, l'Europe conrte la France. Paris: Perrin. - 2003.
38. Sédouy J.-A. de. Le concert européen. Aux origines de l'Europe (1814-1914). Paris: Fayard. - 2009.
39. Histoire de la diplomatie française. Présentation de Dominique de Villepin. - Paris: Perrin, - 2005.
40. Vergé-Franceschi M. L'ennemi juré de Napoléon. - Paris: Biographie Payot.- 2016.
41. Waresquiel E. de, Yvert B. Histoire de la Restauration. 1814-1830. Naissance de la France moderne. - Paris: Perrin.- 2002.
42. Breuillard J. Les Russes envahisseurs et occupants en France (1814-1818) // Slavica occitania. Toulouse, № 8, 1999.
43. Waresquiel E. de. Richelieu. Paris: Perrin, 2015.
44. Welshinger H. Maréchal Ney. 1815. Paris: Plon, 1893.
45. Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского 1815-1830 / Отв. ред. С.М. Фалькович. М.: Наука. - 2010.
46. Собственноручная записка Николая о Польше. Без года и числа, «но относящаяся, как видно по ее содержанию, к эпохе Польского мятежа 1830 года, когда он не был еще окончательно усмирён» // РНБ. Отдел рукописей. Ф. 380. Оп. 1. Ед. хр. 53. Корф М.А., 1831-1874.
47. Поццо ди Борго об устройстве Королевства Польского, записка на имя Александра I. 1814 г. // РНБ. Отдел рукописей, ф. 542, ед. хр. 699 Оленины.
48. Barante P. de. Souvenirs du baron de Barante. 1782-1866. T. 5. - Paris, 1895.
49. Ливен Д. Россия против Наполеона: борьба за Европу, 1807-1814. - М. : РОССПЭН.- 2012.
50. Воспоминания А.Д. Блудовой о Николае I // РГИА, ф. 711, оп. 1, д. 35. Блудовы
51. Шильдер Н.К. Император Николай Первый, его жизнь и царствование. Кн. 2. - М., 1996.
52. Олейников Д. Николай I. М.: ЖЗЛ, 2012. – 339 с.
53. Труайя А. Николай I. М.: Эксмо, 2003. – 224 с.
54. Император Николай Первый. - М., 2002.
55. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 133. Канцелярия министра иностранных дел. Оп. 469. Д. 197. Л. 105. Донесение Поццо ди Борго от 1/13.01.1831.
56. Бургоэн П. Воспоминания барона Бургоэна // Отечественные записки. 1864. Т. 157.

№ 12.

57. Capefigue I.-B. Le gouvernement de juillet, les partis et les hommes politiques. 1830 à 1835. T.1-2. Bruxelles, 1836. T. 2.
58. Apponyi R. Les Français envient notre bonheur. Journal. 1826-1848. Présenté et annoté par Nicolas Mietton. P., 2008.
59. Бел. кн. Николай Михайлович. Из беседы Поццо ди Борго с бароном Мейендорфом в Вене в 1832 году. СПб., 1910.
60. Россия под надзором. Отчеты III отделения 1827—1869. Сост. М.В. Сидорова, Е.И. Щербакова. М.: Российский фонд культуры; Государственный архив РФ, 2006. – 706 с.
61. Шевченко М. «Возложить надежды на поколение новое». Как Николай I и министр Уваров давали Польше шанс // Родина. 2013. № 3.
62. Айрапетов О. Как восстание войной обернулось. Польский мятеж 1830-1831 годов: истоки и начало // Родина, 2013, № 3.
63. Léouzon Le Duc L. Le sarcophage de Napoléon en son tombeau des invalides. Paris, 1873.
64. Туре Ж., Булах А.Г. Из Шокши в Париж. История поиска, добычи, доставки и обработки шокшинского кварцита для саркофага Наполеона // Труды Карельского научного центра РАН. 2016. № 10.
65. Мильчина В. А. Россия и Франция. Дипломаты. Литераторы. Шпионы. СПб.: Гиперион, 2004. – 528 с.
66. Иванова Н.Н. «Французский национальный характер» в представлениях российского столичного дворянства первой четверти XIX века // Россия и Франция XVIII – XX века. Выпуск 8. - М.: НАУКА, 2008.
67. Российские подданные во Франции в 1830 году. Из фондов Архива внешней политики Российской империи (предисловие, публикация и комментарии В.Б. Михайлова и С.Л. Туриловой) // Россия и Франция. XVIII-XX века. Вып. 3. - М.: Наука. - 2000.
68. Черкасов П.П. Я.Н. Толстой во Франции: период эмиграции (1826-1836) // Россия и Франция. XVIII-XX века. Вып. 7. - М.: Наука. - 2006.
69. АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. Д. 151. Донесение Н.Д. Киселева от 8(20) ноября 1841.
70. Ляшенко Л.М. Николай I. Случайный император. - М.: АСТ-ПРЕСС.- 2013. – 224 с.
71. Мильчина В. Париж в 1814—1848 годах. Повседневная жизнь. М.: НЛО.- 2013. – 944 с.
72. Герцен А.И. Полн. собр. соч. Т. V.
73. Joulvécourt P. de. Les Russes à Paris. - Paris.- 1843.
74. Balabine B. Journal de Victor de Balabine, secrétaire de l'ambassade de Russie: Paris de 1842 à 1852, la cour, la société, les mœurs. 1842-1847. Publ. par Ernest Daudet. P, 1914.
75. Панаева А.Я. Воспоминания. М., 1986.
76. Joulvécourt P. de. Balalayka, Chants populaires russes et autres morceaux de poésies traduits en vers en et prose. - P.- 1837.
77. Joulvécourt P. de. Les Russes à Paris. - P.- 1843.
78. Французы в научной и интеллектуальной жизни России XIX века.
79. Жерихина Е.И. Французский мир Санкт-Петербурга. СПб., 2015.
80. Мильчина В.А. «"Французы полезные и вредные". Надзор за иностранцами в России при Николае I». - М. : НЛО.- 2017.
81. Marmier X. Lettres sur la Russie: la Finlande et la Pologne. T. 1-2. P., 1843.
82. Viardot L. Souvenirs de chasse. Septiem ed. P., 1859.
83. Voyage pittoresque en Russie par M. Charles de Saint-Julien, suivi d'un Voyage en Sibirie, par M. R. Bourdier. Paris.- 1854.
84. Mathilde, princesse de. Souvenirs des années d'exil // Revue des Deux Mondes. 1928. 1 janvier.
85. Mathilde, princesse de. Souvenirs des années d'exil // Revue des Deux Mondes. 1928. 15 janvier.
86. Mathilde, princesse de. Souvenirs des années d'exil // Revue des Deux Mondes. 1927. 15 déc.

87. Hommaire de Helle A. *Rêveries d'un voyageur, poésies par Mme Adèle Hommaire de Hell.* - P. - 1846.
88. Hommaire de Helle A. *Voyage dans les steppes de la mer Caspienne et dans la Russie méridionale.* - Paris. - 1860.
89. Оммер де Гелль А. Письма и записки (вступ. статья М.М. Чистяковой). М.-Л., 1933.
90. Вяземский П.П. Письма и записки Оммер де Гелль. Вступ. статья, подготовка текста и коммент. А.С. Немзера. М., 1990.